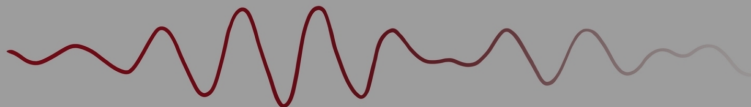
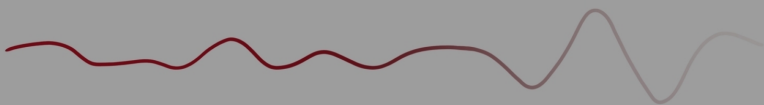

ТЁМНЫЙ

ГОЛОС

Лолита
Милаш

18+

Лолита Милаш

Тёмный голос

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=59151779

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-96580-5

Аннотация

Эта книга о жизни именно той, которую бесконечно начинаешь с понедельника, а потом в один прекрасный день понимаешь, что ты устал. Ты больше не видишь просвета и смерть кажется единственно верным способом. Ведь ты боишься жить и вряд-ли когда-нибудь начнёшь. "Темный голос" о том, как найти в себе ресурсы, как стряхнуть с себя груз социальных стереотипов и начать наслаждаться жизнью, ступить на свой путь. Совершите с героиней романа погружение во мрак, а после обретите любовь к жизни. Книга обладает психотерапевтическим эффектом. Ее основная цель дать читателю инструменты в борьбе с депрессией.

Содержание

Предисловие	5
1 часть	6
1	7
2	15
3	18
4	25
5	30
6	35
7	38
8	41
9	46
10	52
11	54
12	56
13	59
14	62
15	63
16	64
17	69
18	71
19	82
20	85
21	88

22

96

23

105

Конец ознакомительного фрагмента.

109

Лолита Милаш

Тёмный голос

Предисловие

Внимание книга описывает сцены суицидального поведения, материал не несет пропаганды суицида и не преследует цель оскорбить чьих-либо чувств.

Все персонажи и описанные события вымышленные. Любое совпадение с реальными людьми, является случайностью.

Я обращаюсь ко всем, кто чувствует себя подавленно, плохо, кто не хочет жить, кто мучается.

Мы живём в такое время, когда общество заведомо делает нас слабыми, навязывает страхи.

Это всё ложь! Ты сильный, в тебе море ресурсов, а страхи раздуты и бутафорски. Всё именно в твоих руках. Тебе не надо бороться с внешним миром. Главная битва всегда происходит внутри. И я знаю, что ты победишь лень, зависть, страхи, апатию, ярость. Ты победишь всё то, что не дает тебе быть счастливым, при помощи дисциплины, любви и мудрости. Я верю в тебя мой друг! Лолита Милаш

1 часть

посвящаю Наталье (1954-2004)

женщине, что привела меня в этот мир

27 февраля.

У тебя такое было? Ты стоишь посреди комнаты, а вокруг много людей. Они разговаривают, смеются, двигаются в такт музыке. Вокруг запахи свежее испеченной сдобы, кофе и алкоголя. Подносишь к губам холодный бокал шампанского, пузырьки больно ударяют в нос. Чей-то громкий смех... Просто вечеринка у твоей подруги. Это всегда буйство звуков, запахов и ярких цветов, длинных разговоров, домашнего уюта и богемной атмосферы. Ты находишься в центре событий... Тебе хорошо? Нет! Ты обманываешь их, показывая всем своим видом счастье. Плевать на напряжение и желание убежать из этой квартиры! В сотый раз выдавливаешь из себя улыбку, ощущаешь, как мышцы на лице каменеют, и получается оскал. Все меркнет, выцветает, звуки становятся глухими, а люди блёклыми. Ты словно за толстым стеклом, здесь рядом со всеми, но так далеко. Тебе не нужна эта компания, эта выпивка и еда, не нужны эти знакомства. Ты понимаешь абсурдность происходящего, от этого тошно. Ты здесь с целью познакомиться, завязать отношения, создать семью. Ведь каждый встречный-поперечный норовит залезть в трусы. Противные вопросы типа «А парень у тебя есть?», «Когда замуж?», «Пора уже, часики-то тикают!». Если ты мужчина, тебя ждут не менее откровенные вопросы: «А девочка

у тебя есть?», «Жениться, когда?», «Когда детей думаешь?». Знакомо?

Твоё нутро полностью отрицает семью, детей, но к тебе сотню раз «залезали в трусы», насиловали мозг, размазывали по стенке. Тёмный голос из глубин твоего сознания шепчет: «Ты ущербная!». Если тебе скажут глупость один раз, то ты не обратишь внимания. Сто раз услышь об этом – и ты поверишь!

Типичный разговор:

– О, привет! Как давно я тебя не видела! Как дела?

– Привет! Все отлично! А ты как?

– Хорошо! А личная жизнь как? Парень есть?

Ты задумываешься, зная реакцию на твой ответ – он всегда одинаков. Вначале тебя жалеют, а потом тычут носом, ты ведь ничего не делаешь. Берешь паузу, а твой собеседник превращается в наркомана. Его выворачивает, он начинает петь сладкие трели:

– Ну, давай колись, рассказывай, с кем мутишь!

– Нет, ни с кем.

Собеседник не успокаивается:

– Не может быть! Просто не хочешь говорить! Боишься сглазить?

Тебе нечего сказать на эти бредовые домыслы, а ведь это ещё не всё. Поняв, что ты говоришь правду, в тебя полетят камни сочувствия:

– Ты только не расстраивайся, найдешь своё счастье.

– А, я и не расстраиваюсь.

– Я только одного не могу понять: почему такая красивая девушка одна?

Пожимаешь плечами и слушаешь дальше.

– Ты, наверное, никуда не ходишь? Надо выходить, знакомиться... Ты, скорее всего, не проявляешь инициативу! Надо брать их в оборот.

Эти советы могут продолжаться бесконечно. Особо одаренные могут заключить, что твое одиночество из-за лишнего веса, прыщей, плохих волос, отсутствия стиля и модного гардероба...

Только никто не спрашивает, нужно ли тебе это.

И вот, ты на этой вечеринке, чтобы познакомиться, выйти замуж и родить детей. И вообще, дома сидят только идиоты, надо гулять. Тем более, денег у тебя нет, а здесь можно поесть. О, да, в придачу ко всему ты находишься в такой заднице, что едва сводишь концы с концами. Вот и ещё одна причина срочно искать вторую половинку, разделить тяготы выживания.

Ты спрашиваешь себя: «Что я здесь делаю?». В ответ молчание и желание убежать, покинуть эту компанию, этот дом, этот город, эту страну, этот мир.

С тобой такое было?

Надеюсь на твой отрицательный ответ.

Итак, я была всё на той же вечеринке; я немного выпила, съела булочку, еще одну припрятала в сумку, чтобы завтрак

состоял не только из чая. План действий был следующим: стрельнуть сигарету, покурить, выпить чая и удалиться, чтобы не слышать вездесущего щебета: «А мы потом в ночной клуб! Как же без тебя?». Да, мне стыдно сказать, но даже денег на проезд у меня нет. Какой ночной клуб? О чём вы?

Кухня превратилась в курилку, и мне хочется туда попасть. Однако сердобольные подруги постоянно задерживают и пристают:

– Взгляни на того красавчика! Он одинок, пойдй, познакомься.

– Нас уже представили.

– Тем более! Иди, завяжи разговор. Хватит быть одной!

Я загадочно улыбнулась и шагнула вперёд. Лишь бы отвязались. Я всегда слышала одно и тоже: «Не щёлкай, добивайся, делай первый шаг».

Что в итоге? Бессонные ночи, море слёз и разочарования. «Тебе нужен мужчина», – шепчут подруги. Неужели? Словно мужчина – это панацея!

Подошла к красавчику, стала рядом, мило улыбнулась. Я ждала действий. Время шло. Списывать на нерешительность глупо, всё-таки не 16 лет. Ноль внимания.

Поняла! Не навязываюсь.

Кухня, превращённая в курилку, оказалась пуста. «Сделать чая, выпить и уйти!», – вертелось в моей голове. Пока грелась вода, подтянулись люди. Выкурила сигарету, непридуманно поболтала. Кухня опустела, я допивала чай в оди-

ночестве. Дверь затряслась, ручка дернулась вниз, а петли взвизгнули. Дверь широко распахнулась. Ввалилось тело, именно тело – не мужчина, и тем более не молодой парень – так, пьяный субъект общества.

– Чаёк! – завопил он. – И мне, будь лаской!

Плюхнувшись на стул, осмотрел меня с головы до пят, сально мазнул по моему телу и пьяно ухмыльнулся.

– Коля!

Пальцы у него длинные, тонкие, холодные. Лицо острое, безобразное, отталкивающее.

– А тебя как? – обращается он.

Я онемела.

– Чудная! – не замолкал он.

– Маша, – почти шёпотом выдавила я.

– А, Машка! Хвать за ляжку!

Я успела отпрыгнуть, когда его рука молниеносно потянулась к моему бедру.

– Эй! Что ты такая дикая? Не бойся, не обижу!

Я ему поверила, в этих васильковых глазах не было лжи. Я присела рядом и слушала. За час он рассказал всю свою биографию: смешно и нецензурно. Думаю, теперь я знаю больше, чем его мать или друзья. Я всматривалась в его угловатые черты, отмечала, чем больше смотришь, тем менее уродливым он кажется. И вообще, он нормальный, обычный мужчина. Я бы сказала – мечта здравомыслящей женщины. Надёжный, с ним будет и достаток, и целая куча детей. Идеаль-

ный кандидат на роль спутника жизни.

Что ещё надо?

Время словно остановилось; я смотрела на своего нового знакомого. Это не мой человек, это не моя жизнь. Меня не покидает ощущение, что со мной или с этим миром что-то не так. Почему я мучаюсь? Чего ищу? Я осознанно отказываюсь пройти тот путь, что проходят тысячи женщин: найти мужчину, выйти замуж, родить, трудиться на стабильной работе, взять кредит... Разве это плохо? Я не знаю, но меня тошнит от одной мысли об этом. Просто это не моё...

И сидя там, на чужой кухне, за чужим столом, слушая чужого человека, я думала: где моя жизнь среди всего этого?! Где я? Почему я должна идти по той проторенной дорожке, что сотни поколений женщин до меня? Почему? Почему мучаюсь, пытаюсь пройти этот путь! Почему не живу так, как хочу? Подавленность и депрессия стали моими спутниками.

Я вспомнила всю дрянь, что мне приходилось делать, чтобы соответствовать этому миру. Я помню все свои отношения, всех своих мужчин: Максима, Сашу, Диму, Рому... Невыносимо. Душно.

Ни с кем не прощаясь, сорвалась с места. Ботинки, куртка, шарф. Быстрее бы покинуть эту квартиру!

– Чудная, тебя проводить?! – вдогонку закричал Коля. – Эй, какая быстрая! Номерок оставь!

Свежий воздух рвал мою грудь, спазмы сдавливали горло, а слёзы рвались наружу. Забившись в угол многоэтажного

холодного дома, я разревелась. Понадобилось много времени, чтобы совладать с этим порывом.

Я не замечала дорогу домой. Весь путь в голове были одни бывшие. Волны гнева обрушивались одна за одной. Сво-лочи! То рожей не вышла, то странная, то нищая, то жирная, то больная, то страсти не вызываю...

Вспоминала все формулировки. И, самое обидное: ради чего я всё это терпела, ввязывалась во все эти нездоровые отношения. Ради чего? Чтобы быть, как все! Чтобы соответствовать этому грёбанному обществу, которое держит меня за раба.

«Прилежно работай, и ты будешь иметь достаток», – говорили мне. Угу, достаток! Ещё больше работы за те же деньги. «Всё добывается трудом!», – ещё одна сказка, в которую я верила.

Мои рассуждения были, как всегда, тяжелы, пессимистичны и бесконечны. Я называла их ворчанием. Остановить потоки мыслей невозможно. Они быстро выматывали, а иной раз продолжались целый день. Вначале я злилась на этот мир, а потом на себя. Недовольное шипение нарастало, внутри меня звучал бесконечный монолог, и я шла, не замечая дорог, улиц и прохожих. Опомнилась, ощущая жуткую ненависть к себе. И спросила: «А дальше что?». Ответ был лаконичен: «Убей себя!». И, правда, чего я медлю?! Всё равно, рано или поздно, умру. Кто пришёл в этот мир, не уйдет из него живым. Я так устала продолжать этот бессмысленный

путь.

Я на мосту. Если спрыгнуть? Высота хорошая, вода холодная, плаваю плохо. Все произойдёт быстро. Огляделась по сторонам; навстречу идёт пара, позади компания, кто-нибудь бросится на помощь... А ещё хуже, если выживу и останусь калекой. Всё надо делать со 100% гарантией. Лучше подождать. Мысль с мостом заманчива. Я смотрела на чёрную, быстро бегущую гладь. Поблёскивая и шумя, она неслась вперёд. Забери меня с собой. Избавь от печали.

Я должна была сделать эту запись ещё вчера, но слезы лились ручьем. Жалкие остатки жизни взывали к моим эмоциям, пытались убедить меня остаться. Только всё тщетно, я убью себя через год в этот день, а пока я готовлюсь, выбираю способ, прощаюсь и веду дневник, на страницах которого рассказываю, как множество капель переполняют бокал, и алая кровь растекается по белоснежной скатерти.

О матери

Одной женщине было немного за тридцать, но замуж она не выходила, кавалеров отметала умело за ненадобностью. Её окружение очень беспокоилось по этому поводу. Не может симпатичная и добрая остаться одна. Только ущербные не выходят замуж и не рожают! Что с ней не так? Ведь девка красивая, умная! Гордая? Не просто гордая – чересчур, и гордыня её однажды погубит.

Долго ли коротко ли промывали ей мозги, но эффект имел место быть – у неё появился мужчина! И теперь каждый считал своим священным долгом сунуть свой любопытный нос в их отношения и якобы помочь никому не нужными житейскими мудростями из личного опыта. Чем не бразильский сериал? Гораздо лучшее, интереснее так, нежели обыденная рутина! Между влюблёнными случались конфликты, и доверия не было – значит, не всё там гладко, нужен авторитетный взгляд тёти Фроси со стороны или эксперта по семейным бытовым ссорам и неурядицам дяди Васи. Им, естественно, виднее, у них – многолетний опыт. Но так не хотелось никого пускать в своё.

Кем же они были? Влюблёнными? Или героями дешёвой мыльной оперы, в которую пытались превратить их жизнь «доброжелатели»?

Есть, те, кто любит рассказывать о том, как просили её: «...роди, роди...чёрт с этими мужиками! Роди для себя!». Какое участие в жизни ближнего своего, какое чуткое руководство! Учителя всегда знают, что надо делать.

Заканчивалось лето. Ещё пару недель, и её ждал отпуск. Проведет она его далеко и без своего мужчины. Как важно было уехать, как важно было спрятаться. Увы, никто не узнает, почему она скрывала беременность и собиралась рожать так далеко от дома. Возможно, всё сложилось бы именно так, как было задумано ею, но своенравные силы природы посчитали иначе.

Её дочь родилась на седьмом месяце. Что-то маленькое, хрупкое, слабое и больное. В последующем Н. (так зовут нашу героиню) часто вспоминала, как врачи сообщили ей: «Если ребенок переживет первые десять дней, то состояние стабилизируется». Малышку забрали в соседний город, там было больше ресурсов выходить новорожденную. Когда критический период миновал, Н. пригласили в больницу. Ей разрешили кормить девочку. Она любила рассказывать о телефонном разговоре.

– Можете приезжать, ложиться в больницу. Будем кормить младенца вашим молоком.

– Нет, я не буду.

На том конце повисла тишина, а после последовал вопрос:

– Вы, отказываетесь от ребенка?

Н. молчала.

– Вы, отказываетесь от ребенка? – повторили снова стальным тоном.

Нет, она не отказывалась, но это не входило в её планы. Она не думала, что дойдёт до этого. Ещё Н. рассказывала о том, как потеряла большую сумму денег в свой первый визит к дочери. Она не знала, что больница находится в пяти минутах от вокзала, и взяла такси. Водитель оказался проворным типом, повозил женщину по всему городу, хорошенько накатал, а напоследок заметил, что вокзал совсем близко. Хоть на этом спасибо.

Н. сложно было привыкнуть к новой роли. Оставляя дочь с бабушкой, отправлялась в гости к старшему брату, где могла забыться. Отношения с её мужчиной закончились взаимными обидами и оскорблениями. До конца её дней они больше не общались.

3

Моё первое воспоминание: я в кроватке, мать моет пол. Высокие бортики прячут её от меня. Я зову, она игнорирует. Я плачу, но чистота важнее. Я бросаю в неё игрушку, она на мгновение оборачивается и снова принимается за старое. Я кричу, но всё тщетно. На мои вопли приходит дядя. Он недоволен.

– Чего она кричит? – он обращается к матери.

– Хочет и кричит! Я почём знаю?

– Закрой ей рот! – грозно командует он.

Я чётко понимаю всё, что происходит, но мне не страшно. Очередная игрушка летит в него. Я перестаю звать, я понимаю, что я одна, я совершенно одна. Именно тогда внутри меня поселилось это вязкое чувство одиночества.

Моё детство проходило в живописном месте. Леса и болота, переходящие в поля. Ручейки и озёра, разливающиеся весной и высыхающие летом. Густой туман и чистая роса, пение птиц и искрящийся снег. Мир, наполненный чудесами и мифами. Я помню, как мчалась среди густой пшеницы в середину поля к дикой яблоне, чтобы повалится у ствола. И, лёжа на небольшом пяточке сочной травы, окружённой пшеничным лесом, я обретала спокойствие. Я закрывала глаза, и солнечный свет пробивался сквозь веки, я распахиwала ресницы, и тёплые лучи слепили меня. Надо мной было

бескрайнее голубое небо, а вокруг такого же цвета васильки. Каждое лето этот мир становился моим убежищем, никто не знал о его существовании. Тропинку я старательно маскировала. Вход начинался у куста шиповника, он рос как нельзя лучше, прикрывая мои злодеяния. Если бы бабушка узнала, мало бы мне не показалось. Я осторожно отгибала крайние пучки, ступала аккуратно с грациозностью балерины. Преодолев первые метры, выходила к проторенному пути. Руки скользили по налитым колосьям, стрекотали кузнечики, а встревоженные птицы взмывали в небо. Это было место моей силы. Были и другие, но это особенное. Там, среди шумящей пшеницы, у скрюченного, старого ствола, я не слышала перебранок, мелких стычек и скандалов.

Моё детство прошло в старом доме. Мой прадед построили его после войны. Это было крепкое бревенчатое строение, лишённое благ цивилизации, впитавшее в себя энергию нескольких поколений. И так, под одной крышей, ютились бабушка, мама, я и мой дядя.

Младший мамин брат не отличался благоразумием. Цикл его жизни был следующим: он уезжал на заработки, возвращался к своей гражданской жене, через какое-то время между ними возникал конфликт, она его выгоняла. Он возвращался в дом бабушки и уходил в запой. Через какое-то время он лечился и снова уезжал на работу. Все повторялось по кругу. В момент его присутствия разговор на повышенных тонах был нормой.

Я помню, меня разбудила приглушенная ругань. В комнате стоял полумрак, бабушка сидела на стуле. Дядя, размахивая руками, подбежал к ней:

– Ты забрала мои деньги?

– Нет!

– Врешь! – вопил он. – Я их положил в карман! Вот в этот карман! Где они?

– Потерял или пропил, – равнодушно ответила она.

Дядя замахнулся.

– Сука, врешь!

Бабуля была похожа на скалу, она даже не моргнула. Многолетний опыт проживания с алкоголиком-мужем сказывался. Она знала, что сын блефует.

– Сукой ты будешь называть свою дорогую и любимую, а меня не смей, – спокойно и рассудительно сказала она.

– Её никогда!

Бабушка горько улыбнулась.

– Сынок, хорошо она тебя одурачила! Ты даже выпьешь воду, в которой она помоеет ноги...

Дядя молчал.

– Что ты у меня делаешь? Иди к ней! Живи у неё!

Он пробубнил что-то невнятное, взгляд потупился.

– Ты ей не нужен, ей нужны твои деньги! Забрала и выгнала, как собаку! – негодовала бабуля. – Алкоголик ей не нужен! Жить с пьяницей горемычным она не будет!

Смотреть на него было больно, и что-то болезненное и

скрученное повисло над столом.

– Ты зубы мне не заговаривай! Где мои деньги?!

– У твоей любимой!

– Убью! – кричал он.

– Тихо, малую разбудишь, – заметила бабушка.

Они не заметили, как я пришла и уже несколько минут безмолвно наблюдала за их скандалом. Напряжение нарастало.

– Пошёл вон! Так водки хочется, что готов убить родную мать?!

Перебранка длилась долго и завершилась вполне предсказуемо. Бабуля завернула угол зелёного ковра и ткнула пальцем на скомканные бумажки:

– Забирай и подавись!

Он бросился к ним, судорожно пересчитал:

– Тут не всё! Где остальное?

– Всё, что было! Пропил и не помнит... Да и эти пропьёшь! Всё в горло! Не рассчитывай на еду! Больше кормить не буду! Ты мне ни одной копейки не дал.

Дядя со злостью плюнул на пол и вышел из дома.

В комнате стало ещё темнее. Я слышала, как бабушка шмыгнула носом. Морщинистая рука закрыла глаза и одним движением стёрла нахлынувшие слёзы. Ей нужно быть сильной, нет времени на мокрые сожаления. Опираясь о стол, бабуля встала... всё это время, она сидела на деньгах...

Мать возвращалась поздно; я помню, как бежала к ней,

чтобы обнять холодное пальто. Мгновение вместе – и вот она уже занята домашними делами. В летне-осеннее время уходила в лес. Возвращалась в сумерках с дарами природы. Зимой уходила в гости к старшему брату. Её беспокойная душа металась. Мне сложно об этом писать, но я её боялась. Это очень странно, если учитывать, что она никогда меня не била и не кричала. Разговаривая с ней, я находилась в сильном напряжении. Я боялась сказать что-то неправильно, то, что не понравится ей. Я помню, как одобрительное покачивание головой прекращалось, и вертикальная линия на лбу выдавала все недовольство. Она умолкала и серьёзно смотрела на меня. Набросится и разорвёт? Нет, станет ещё более холодной. Она напоминала робота, который следил, чтобы я была одета, обута, накормлена, умыта и заплетена. Чтобы я хорошо себя вела и говорила правильно. Я была крайне послушна в надежде получить немного больше любви...

– У всех есть отец! И у тебя есть! – настаивали подружки.

– Кто твой папа? – не успокаивались они.

Я была растеряна. Я никогда не спрашивала. В обрывках разговоров я улавливала, что этой темы нельзя касаться. Однажды мать сказала:

– Я очень захотела, чтобы у меня появилась дочь, и это произошло – родилась ты, моя девочка!

Я понимала, что это обман, ведь обрывки разговоров и частые вопросы её подруг:

– А где он? – с косым взглядом на меня. – Что, не объяв-

ляется?

Вот, ещё один хороший пример:

– Ой, какая она у тебя хорошенькая! Тёмненькая! Волосяки крутятся! Ты что, от цыгана её родила?

Таких случаев бессчётное количество. Удивительно, но взрослые думают, что дети ничего не понимают.

Однако вернёмся к допросу на улице. Девчонки отстали от меня не сразу, ведь я придерживалась версии матери и стойко уверяла, что отца у меня нет. Мама захотела, и появилась я. Мои подруги не верили в непорочное зачатие, так что слёзы я лила долго, доказывая свою правду. Не знаю, сколько бы длилась эта экзекуция, если бы девчонка постарше не вмешалась. До сих пор не знаю, кто это, ведь слёзы так застилали глаза, что я ничего не видела, а в ушах шумело от напряжения. Прижатая к забору, скрюченная и ревушая, я услышала:

– Эй, может, хватит! Отстаньте от неё! Сколько можно! Разве не понятно, она ничего не знает!

– А ты знаешь? – бросили мои экзекуторы неожиданной заступнице.

– Знаю... был тут один, а потом уехал. Только не мне это ей рассказывать, у неё есть мать... Быстро отвалили.

Живое кольцо расступилось; не разбирая дороги, ноги понеслись домой. Мама выслушала меня, вытерла слёзы, обняла и повторила всю ту же сказку, придуманную ею. Я покорно помотала головой и ощутила сильнейшую горечь. Мне

продолжали врать, а я должна была верить.

Потом я узнала, что девочки, устроившие допрос, были в гостях с родителями, где разговор коснулся моей матери – так они узнали всё то, что мне стало известно десятилетием позже, но об этом потом.

Тогда в шестилетнем возрасте, прижатая к забору, в окружении своих сверстников, я уяснила, что люди очень не любят тех, кто отличается от них. Они считают свои долгом сорвать с каждого его магический покров, бросить на землю и безжалостно растоптать.

Да, это был ценный урок, и после всего, что случилось, я должна была сказать:

– Перестань врать! Мама, скажи правду!

Да, я должна была. Я хотела! Только страх парализовал. Лишиться её любви было подобно смерти. Её нельзя было злить, её нельзя было огорчать. Я выбрала жизнь во лжи ради нескольких лишних улыбок и одобрительных фраз.

О школе.

Знания давались мне с трудом. Я всегда была тугодумкой, но выручала хорошая память. Запомнить, большой объем информации, не вникая в её суть – легко, но истинное понимание всегда давалось с боем. Помню, по возвращению домой, сразу же садилась за уроки и вставала из-за стола поздним вечером. То, на что мои сверстники отводили тридцать-сорок минут, у меня отнимало не менее часа. Моя усидчивость способствовала растущей успеваемости, и учителя всё чаще хвалили и ставили в пример другим. Образ заучки-всезнайки очень выгоден, он дарит внимание – суррогат любви. Всё подкреплялось моим послушанием, гипертрофированной справедливостью и идеальным поведением – мне не хотелось, чтобы моя мама расстраивалась и огорчалась. Она должна была слышать от педагогов только о моих успехах и достижениях, она должна гордиться мной.

Я старалась, и очень скоро учителя стали говорить, что

я – пример для подражания! Надеюсь, это всё было не зря и действительно радовало мою мать! В этой нежно-розовой истории было прекрасно всё, кроме одного «но»: меня ненавидели одноклассники. Как называют, тех, кто ищет одобрения у педагогов и делает всё правильно? Подлиза!

Мое чувство справедливости и долженствования не позволяли огрызаться или бойкотировать уроки. По мнению одноклассников, мне нужно было знать меньше, думать меньше, говорить меньше и не высовываться. Стать изгоем не сложно: стоит только отличиться, выделиться, показать себя в лучшем свете – этого окажется достаточно. Как отличить истинную дружбу от ложной? Позволить вмешаться чёрной зависти. Именно тогда я узнала, что настоящая дружба – это то, что со мной не произошло в школьные годы.

Как это было? Обидные прозвища, демонстративные обсуждения внешности, и это были только цветочки. Потом начались мелкие пакости и кражи. В таких ситуациях нужно давать отпор сразу и решительно. Видела, как некоторые дети отстаивают свои интересы кулаками, и у них это получалось; другие, что были слабее, обращались к родителям, и те приходили выяснять отношения; после таких разъяснительно-спасательных бесед обычно всё приходило в норму. Но мой случай стал исключением.

Обратиться к педагогу было самым худшим вариантом, но я выбрала его: я не могла тревожить мать – она недавно перенесла серьёзное заболевание, и ей нужны были силы на восстановление. В придачу ко всему, я не хотела ей ничего говорить – я ведь умная, мне все об этом говорят, а раз так, то я должна справиться сама. Я должна разобраться во всём, найти ключ к решению возникшей трудности. Глядя на неё в тот период, когда начался мой школьный кошмар, я пони-

мала, что ей не нужны лишние проблемы.

Я собралась с духом и попросила помощи у любимой учительницы. Она отчитала весь класс. Я надеялась, что всё прекратится: мои сломанные ручки, все эти неприятные колкие шуточки и прозвища. Я ещё не знала, что кошмар только начинается. Удары в плечи, дерганье за волосы, выкручивание рук, подножки. Одно дело, когда только твой класс ставит тебя ниже плинтуса, и совершенно другое, когда подключаются другие дети, и начинается самая настоящая травля – буллинг, как сейчас говорят. Катастрофа приобретает глобальный масштаб, стремительно распространяется, как пандемия, яро бушует, беснуется, и её становится трудно остановить.

В моей школе учился, хотя лучше будет написать – посещал, сексуально-озабоченный переросток. Говорили, что он насиловал своего брата. Где, правда, где ложь, мне неизвестно! Я знала другое: этот урод по отношению ко мне проявил недюжинный интерес. Поразительно, но домогался он меня всегда при моих одноклассниках, в отдаленных кабинетах школы, куда педагоги приходили после звонка.

Сама я для него интереса не представляла, только в окружении одноклассников. Они жаждали видеть, как он меня унижает, видеть его силу; хотели видеть, то, что происходило, что творилось со мной в те отвратительные моменты. Не с их ли подачи все началось? Схема действий у этого полудурка была одной и той же: он хватал меня сзади, прижимал к се-

бе и совершал подбрасывающие движения тазом, безобразно имитируя половой акт. При этом стонал и кряхтел. Иногда у него случалась эрекция, и это было самым противным. Кому-то это покажется детскими шалостями, которые следует просто забыть, как страшный сон. Может быть, и так, но, кто оказался в подобной ситуации, поймёт, что не так-то просто это сделать и превратить кошмар наяву в якобы увиденный сон в царстве Морфея.

Мне было стыдно и страшно рассказать о том, что происходило. Я чувствовала вину, обуреваемая яростью, за то, что не могла развернуться и врезать ему по яйцам, как это сделала моя одноклассница, когда он единожды решил пристать к ней. Я стала хитрить, и всю перемену проводила на коридоре, среди педагогов и детей. Мой «насилник» негодовал; в итоге его терпение лопнуло, и, схватив меня в коридоре, поволок в свой кабинет. Теперь я понимаю, он видел во мне слабую девочку, не способную дать отпор, над которой можно измываться, использовать, как куклу для битья. Он ткнул пальцем в парту:

– Это ты нарисовала на моём столе? У тебя точно такого же цвета фломастер!

Я не успела рассмотреть, что там написано, как со всей силы он прижал меня к парте и несколько раз ударил головой. К моему счастью, его одноклассники незамедлительно позвали педагога.

Звездочки кружили в дикой пляске, лоб горел, а я беско-

нечно повторяла, не глядя на учителя:

– Всё хорошо, всё нормально! Мне не больно!

Я панически боялась доставить хлопот. С этим уроком провели разъяснительную беседу. В довершение о случившемся сообщили моей матери – она должна была знать, почему на лбу её дочери большой синяк. Она решила поговорить с ним. Её нервно трясло, она срывалась на крик, угрожала и готова была расплакаться. Я стояла в стороне, раздраемая чувством вины. Из-за меня ей, вечно уставшей и замученной, пришлось тянуться в школу и вести этот тяжелый разговор.

И, да, надругательство над моей личностью с его стороны прекратилось. Если одноклассники и продолжали меня задирать, то этот урод навсегда исчез из моей жизни.

– Я утром вышла на крыльцо, а у меня под ступеньками лежит мусор. Какие-то нитки, испачканные воском. Такой большой клубок, – подруга бабушки явно преувеличивала, широко разводя руки и показывая клубок невероятных размеров.

– А ты что? Хоть занесла на перекрёсток? – взволнованно интересовалась бабуля.

– Ну, конечно! И сожгла, и молитву прочла. И возвращалась не оглядываясь. И уже почти дошла до дома, как встретила эту Змею! А она бежит наперед и кричит: «Утро доброе!». Я молча глянула на неё, а её скрутило и трясёт всю. Тут я и поняла, кто мне подкинул эту гадость! Я глаза опустила, молитву начала читать, так её пуще прежнего затрясло. Она за мной во двор вбежала и у самого порога хват за плечи и говорит: «Что с тобой? Случилось что-то?». Стою, молчу и понимаю, что мне так тяжело на душе, как дотронулась она до меня, так сердце и упало, – старушка заплакала, морщинистыми ладонями прикрыла лицо. – А вечером коровка, моя кормилица, сломала ногу. Такая добрая была. Эта змеюка много раз говорила: «Я тебе завидую, Степановна, такая удачная, молочная у тебя скотина». Завидовала, завидовала и в итоге приделала.

Такие разговоры были частью моего детства. Они мне

направились, сердце замирало в предвкушении встречи с магией. Все эти сказочные истории, нехитрые ритуалы и приметы. Все действия и вся моя жизнь были пронизаны невидимым магическим миром. Травы собирались на рассвете, едва первые лучи касались земли, бабуля срезала пропитанные утренней росой стебли. Потом они сохли в амбаре, легко покачиваясь от дуновения ветра. Я любила приходить туда. Это было место, где я набиралась силы. Так вот, помимо старой яблони, у которой я пряталась, был ещё амбар. Переплетение запахов и шуршание стеблей позволяли прикоснуться к чему-то таинственному. Наблюдая за покачиванием полыни, я знала, что это магический танец, разговор волшебных существ. Каждая травинка, каждый цветочек, каждый камень – всё имело душу и энергию. Я общалась с этим таинственным миром, я была его частью.

– Машенька, стой ровно! – командовала бабуля.

Свечи зажигались, свет ударял по старой иконе, и она оживала. Тёмный лик в золотом обрамлении пугал, из глубины души поднималась непонятная тревога.

Сырое куриное яйцо обкатывалось с головы до ног под устрашающие причитания:

– Першым разам, лепшым часам! Пачынаю сваю справу. У чыстым полі стаіць явар зялёны на тым явары сядзіць птах. Птах без крылаў, без дзюбы, без пер’яў, без жылаў, без мяса, без крыві, без касцей...¹

¹ Первый раз, в лучшее время! Начинаю свое дело. В чистом поле, стоит клён

Бабуля произносила заговор быстро и отрывисто, всегда шёпотом и почти неразборчиво. Все проделывалось трижды, а потом умелыми и скорыми движениями яйцо раскалялось, выливалось в стакан и долго изучалось. Она утверждала, что могла увидеть причину недуга и способ исцеления, порчу, её тяжесть и того, кто навёл.

Я ждала вердикт.

– Сильный испуг!

Так бабуля объяснила моё внезапно начавшееся облысение. Длинные, густые волосы сыпались, как листья. За несколько недель я фактически лишилась волос. Огромные залысины прикрывали реденькие пряди.

Услышав вердикт, мать недовольно подошла и долго всматривалась в содержимое стакана.

– А может, порча?!

Всегда холодно относившаяся к гаданиям и прочей мистике, она всё равно живо интересовалась этими вещами. И если раньше мать говорила: «Что за глупости! Вздор!», то теперь этот интерес был первым предзнаменованием мракобесия, заполонившим её жизнь.

Буду последовательна. Тем летом меня спешно отправили в Германию. Как и многие сверстники, я ехала по программе «Дети Чернобыля», меня ожидал отдых с элементами оздоровления. Это было как минимум странно, если учитывать,

зеленый, на клёне сидит птица. Птица без крыльев, без клюва, без перьев, без вен, без мяса, без крови, без костей... (бел.)

что в голове матери жила целая куча страшилок. Излюбленная была об опытах, проводимых на детях.

– Их травят химическими продуктами и наблюдают за реакцией, – утверждала она, – испытывают лекарства.

Она не знала, что принимающая семья, взяв на месячный отдых ребенка, в последующем не платила бешеные налоги.

Уезжала я спокойно. И, если откровенно, я не сильно скучала по дому. Мать звонила часто, и во время телефонного разговора ненавязчиво намекала, что я должна скучать и хотеть домой. Только выдавить из себя слёзы было слишком сложно.

Вернувшись, я застала её лысой. Она прошла курс химиотерапии. Если откровенно, то я благодарна Высшим силам, что не видела этого. Мама охотно делилась воспоминаниями о лечении. Её вердикт – это больно и невыносимо.

После химиотерапии предстояла операция. Мать наотрез отказалась. Заручившись положительными результатами первого этапа лечения, она покинула врачей. В следующий раз они увидели её за несколько месяцев до кончины.

Я не знаю, болезнь или лечение меняет людей, но моя мать сильно изменилась. Она словно дала волю той тьме, что сидела в ней. Именно тогда появились злоба, недовольство собой и окружающими, зависть, беспокойство. Сверхважное значение приобрело мнение окружающих.

В нашу жизнь вошло мракобесие. Она всерьёз считала, что её болезнь – это результат порчи. Ей все завидуют, её все

обсуждают и днём и ночью, говорят и думают только о ней. Я, конечно, немного преувеличиваю в предыдущем предложении, но в целом весь мир вертелся вокруг неё. Она рьяно искала по дому так называемые следы колдовства, доказательства наведённой порчи на смерть: иголки, нитки, булавки, бумажки. Стоило хоть кому-то прийти в гости и – начиналось. По её мнению, все желали навести порчу, отобрать здоровье и счастье. Её поиски всегда увенчивались успехом, хоть перинка, хоть маленькая ниточка, но находилась.

Потом начались поездки к знахарям и ведуньям. Огромные очереди, несколько часов ожидания – и вот она скрывалась за дверью. Пять минут – и мама возвращается. После каждого визита ей становилось легче... Обманчиво легче.

Об отце.

Шестнадцатилетняя девочка делает уроки. Дверь в комнату приоткрывается, за ними показывается её дядя. Вместе с ним незнакомый мужчина. Она поднимает глаза, на автомате бросает:

– Здравствуйте!

Девчонка в курсе: сегодня приехал крёстный отец её двоюродных сестер.

Её взгляд останавливается на незнакомце; она видит, как его глаза и губы округляются в желании произнести первый звук имени младшей крестницы:

– Оксана...

Машу часто путают с ней.

– А это наша Машенька, – торопливо вклинивается дядя.

Ещё недавно сияющие глаза незнакомца гаснут, на лице появляется досада и разочарование.

Девочка опускает глаза и продолжает делать уроки. Маша увлечена сочинением, ей не до этого мужчины. Он никто в её мире, крёстный двоюродных сестер, старый друг семьи. Он один из тех людей, что появляются и исчезают в её жизни. Он не оставит никакого следа, ни единого жалкого воспоминания. Уже через неделю она вновь забудет эту встречу, это лицо.

Дядя волнуется:

– Пошли, не будем мешать. Делает уроки! Будущий профессор!

Дверь захлопнулась, девочка снова погрузилась в сочинение.

Вечером, когда все собрались под одной крышей, когда топот, шум телевизора, звон посуды и запах будущего ужина смешались, дверь снова открылась.

– Эй, к тебе можно? – спросила старшая дочь Машинного дяди.

– Конечно, Надя.

Эта девушка всегда на позитиве и прямолинейна.

– Ты же знаешь, что у нас в гостях был твой отец?!

И было непонятно, вопрос это или утверждение.

– Нет, – равнодушно ответила Маша; её мысли были заняты сочинением рифмы.

– А мы думали, ты знаешь!

– Нет.

И вся эта информация была чем-то бесполезным: ну узнала она, и что дальше? Как это отразится на её жизни? Никак. Его никогда не было рядом. И сейчас, после этой встречи, он тоже не появится, чтобы остаться.

Второй раз они встретились через 7 лет. Между ними состоялся светский разговор, после которого последовало предложение приехать в гости.

– Да, конечно! – оживлённо выдавила из себя девочка с

мыслями, что этого никогда не произойдет.

Иногда, я думаю о том, что отец обязательно узнает о моём самоубийстве. Приедет ли он на мои похороны или хотя бы на могилу? Мне рассказывали, что когда моя мать умерла, ему позвонили. В телефонной трубке была тишина. Он не приехал.

Мне было тринадцать, когда мать умерла.

Прошло тринадцать лет, как её не стало. Целая вечность. Косточки успели перегнить. Сейчас я понимаю, она устала. Не осталось никаких сил бороться с этим миром. Выход был один – уйти! Есть такое понятие – «скрытый суицид», она им воспользовалась. Говорят, онкология поражает пессимистов, недовольных, но ведь даже они лечатся, хватаются за жизнь! Во время обучения я посещала онкологические корпуса. Знаете, сколько там желающих жить? Много! Только часто бывает слишком поздно, и ни одно лечение не поможет, но все равно они борются, пытаются вырвать у смерти хоть один день, час, минуту, секунду. Они бесстрашно пробуют различные методы, идут на эксперименты. Будучи студенткой, я консультировала умирающих, и мне хорошо запомнился тонкий, как жердь, дедушка, он сказал:

– Мне сделали операцию, я прошёл четыре курса химиотерапии и облучение. Я сделал всё, что мог, но ничего не помогло. Мне не страшно умирать, я попробовал многое, что могло меня спасти. Я сделал всё, что мог, – дедушка робко дотронулся до моей руки и тут же отдернул. – Ещё эта зараза к тебе пристанет. Вот, возьми конфеток, – он протянул пакет леденцов. Через неделю он умер.

Я помню, как она подделывала штамп в медицинской

книжке: выдавила на пластилине, обмакнула в чернила и распечатала. Она скрывала свою болезнь и ждала, когда опухоль разрастётся. Знаете, это дело быстрое, полгода – и человек сгорает.

После смерти в её личных вещах нашли записку с перечнем документов, нужных для оформления опеки. Моя мать готовилась к смерти; по всей видимости, борьба со страшным недугом не входила в её планы. Я, её родная дочь, не была ориентиром, не была светлым маяком, не была той крупницей, что держала в жизни. Чем я была? Обузой? Наверное, так. Разве уходят, если любят?

Я не знаю, каково это – иметь мать-старушку, мать-подругу, звонить и делиться тем, что со мной произошло. Разговаривать с близким человеком до того момента, пока телефон не станет горячим. Вам это знакомо? Трещать без умолку, делиться секретами или наоборот, что-нибудь скрывать и бояться ненароком проговориться. У вас такое было, у вас такое есть? Поздравляю, значит, ваша мать жива, и вы в хороших отношениях.

Страшно осознавать масштабы одиночества. Я одна, совсем одна. Можно отгонять эти мысли, но они навязчиво возвращаются.

В раннем детстве вязкая отрешённость растворилась в моей крови, она навсегда со мной. Я часто повторяю себе: «Помни, детка, ты совсем одна, и если исчезнешь, никто не будет искать. Конечно, заявление напишут, но вот ждать или

соваться во все дыры никто не будет. Ты тень. Ты обуза. Тебя никто никогда не любил».

Возможно, меня будут искать! Долго, очень долго... Может случиться так, что не найдут. Я все чаще задумываюсь, при помощи, какого способа покину этот мир. Мысли, возвращают к не состоявшейся февральской попытке. Закрываю глаза и вижу себя на мосту. Вокруг люди! На этом проклятом мосту, всегда кто-то ходит. Упёршись в перила, упорно жду. Голоса утихают, машины проезжают редко. Оглядываюсь – вокруг никого. Быстро перелезаю. Последний взгляд вверх, чёрное жерло, ни луны, ни звезд. Внизу, такое же, живое и холодное, оно сожрет в одно мгновение. Ветер треплет волосы, гулкие удары сердца, пальцы разжимаются. Мгновение невесомости, оно такое длинное, что я вспоминаю всё что было и даже вижу, то, что может произойти... При таком раскладе, мне не ведомо, что будет дальше. Возможно, все произойдет быстро, я потеряю сознание и захлебнусь в грязной воде. Может быть, желание к жизни, окажется сильнее смерти! Оно заставит плыть, преодолевая боль и холод. Вот, берег, судорожное дыхание и невыносимый холод. Мороз опускается, он сковывает, я замерзаю, сердце перестает биться. Цель достигнута... если, только сердобольные спасители, не засунут нос, куда не надо...

Мост – это не безопасный способ. Подальше от людей и чтобы все было наверняка. Сегодня, я купила билет на при-

городный дизель. Мне доводилось кататься на нем. Удивляло, как часто он останавливается прямо посреди леса. Состав двигался медленно, гулко тормозил и периодически издавал громкие звуки. И вот, десятая остановка. Впереди и позади – шпалы, по бокам – густой сосняк. «Станция Птички», – объявили в вагоне. Не особо думая, выскочила на платформу. Через минуту поезд тронулся. На перроне, оказалось четверо пассажиров. Вооруженные ведрами и тяпками, они двинулись в сторону леса. Ели заметная тропа уводила их от меня. Подождала немного и пошла следом. Дорожка вела, через лес к полю, в конце которого виднелся дачный поселок. Ничего интересного, я решила вернуться к платформе. Лес на противоположной стороне был, густым и темным, маловероятно, что за ним находится поле и тем более дачный поселок.

Что я искала?

Что меня гнало в эти дебри?

Желание смерти!

Я смотрела на буйство весны, я вдыхала ароматы цветов, грелась на солнце, отдыхала глазами на молодой зелени и, тем не менее, понимала, что желание суицида – поглотило. Мысли о смерти заполонили жизнь. Ждать конец февраля – невыносимо. Мои силы на исходе, я хочу убить себя раньше, плевать на решения, на дневник.

Я зашла в неприветливый массив, поднимавшийся вверх. Наклон был резким, я хвасталась за корни деревьев, караб-

калась вверх, спотыкалась и падала. Неудачное падение, я ломаю шею... Ведь это возможно? Идеальный вариант избавиться от жизни, моё вечно ноющее и страдающее тело. Я чувствую себя старухой, когда каждый сустав и жилка, начинают болеть. Разбитость и отсутствие энергии, с ломотой во всем теле, вынуждает нашёптывать: «Убей себя, убей себя, ты уже разваливаешься на части... Зачем ты тянешь? Хочешь стать немощной, слабой? Убей раньше, чем это произойдёт!».

И вот, я на самом верху, жадно вдыхаю лесной воздух. Он пропитан фитонцидами, дышать легко и приятно. От физических нагрузок, кровь быстро бежит, я ощущаю её движение, она словно горный ручей. Мне хорошо. Боль и недомогания, отступили. Ирония судьбы: вместо того, чтобы гробить себя – оздоровила. Появившаяся энергия позволит идти долго, пока не встречу смерть. Пусть острыми зубами разорвет мне живот, пусть когтями исцарапает шею...

Все дальше и дальше в самую чащу к бурелому. Желание смерти навязчиво и я искала его среди сосен и берёз. «Меня растерзает дикий зверь!», – шептала себе. Ветки больно хлестали по лицу, идти было сложно, но я, продолжала искать красную пасть смерти. Сколько я шла? Не знаю! Только ноги гудели, во рту пересохло, я даже вспомнила о бутерброде, что лежал в сумке. Свалившись под деревом, уставилась на редкие стволы. Интуиция подсказывала впереди поле.

Кусты несмело шевелились, я бросила на них взгляд. Может это змея? Ядовитая? Было бы хорошо!

Я прикрыла глаза, приготовилась встретить кончину. Что-то горячее и мокрое несмело коснулось руки. Это не было похоже на ледяную кожу рептилий. Мне пришлось открыть глаза. Маленький, безродный щенок, радостно взвизгнул. Зрелище было забавным, он пытался вилять хвостом, но вместо этого ходуном ходило все тело. Он припадал к земле возбуждённо рыл лапками и радостно лаял. Я поманила, он охотно подошёл, подsunул круглую голову под ладонь. Я гладила жёсткую, горячую шерсть, а он преданно смотрел в глаза, изредка закрывая их, наслаждаясь почесыванием за ухом.

Я поделилась бутербродом с моим новым другом. Он проглотил не жуя.

– Откуда ты? – спросила у дворняги.

Удивительно, но он понял меня. Весело бросился к собачьей тропе, постоянно оборачивался и звонким лаем приглашал за собой. Преодолев кусты дикой малины, щенок вывел меня к такому же дачному поселку, как «Птички». Немного покрутившись рядом, побежал на звуки знакомого лая. Где-то там за высоким забором была его семья. Юркнув в ели заметный подкоп, он навсегда исчез.

Отыскать платформу, не составило труда. К ней привела единственная гравийная дорога, пересекающая дачный поселок.

Уже в дизеле, я смотрела на бескрайние леса, они прячут маленькие дачи, в которых копошатся садовники. Где-то там живёт веселый щенок. Именно там, среди непроходных ле-

сов, я искала смерть. Если в конце февраля будут сильные морозы, я могу сюда приехать, зайти в самую чащу и замёрзнуть, припасть к матери-земле, обнять ее, рассказать, о своей любви, а после слушать длинную песнь метели. И если повезёт, белое пушистое одеяло прикроет меня, спрячет от этого мира. Я усну и больше никогда не проснусь. Потом настанет весна и тело сослужит добрую службу, оно насытит голодных зверей. Благодаря ему, кто-то выживет, накормит своих детей. Косточки растянутся по лесу. Моя душа будет бегать, едва касаясь мягкого, сочного мха, стрясая колосья дерезы. Жёлтые споры дуновением ветра поднимутся вверх, прозрачной пеленой обрамляя моё невидимое тело. Вместе с ветром, я буду взмывать от влажных ложбин к верхушкам сосен, а оттуда падать, вниз рассыпаясь утренней росой по лесным травам. Я стану душой этого места.

Мать ушла в отпуск, потом на больничный. Болезнь была в самом разгаре. Она больше не могла скрывать её, медленно угасая: дни напролет проводила в постели, изнемогая от сильного кашля и насморка. Мать не покидала дом, за исключением поездок к знахарям. Её фанатичная вера в силу икон, молитв, ритуалов и настоев была непоколебима.

Дни тогда стояли осенние, дождливые. Вода мешалась с листвой, и казалось, что водяной поток никогда не прекратится.

Едва чистое небо показалось на горизонте, бабушка отправила меня в магазин. Я не спешила, а вернувшись, обнаружила, что наш маленький дом набит людьми – мамиными коллегами. Я прекрасно их знала, проведя не одно лето рядом. Они были серьезными. Даже вечно весёлая тётя Люба подозрительно моргала глазами. Они побыли недолго, распрощались и уехали. Спустя время я узнала: они насильно осмотрели её. Будучи медиками, они прекрасно понимали – ей оставалось недолго. Ближе к Новому году мать плотно сидела на анальгетиках – без них на неё было страшно смотреть. Она двигалась все меньше и меньше. Единственным неизменным ритуалом были поездки к народным целителям. Одна из них слёзно просила: «Не привозите её! Я не могу помочь!». Даже у шарлатанов, оказывается, есть совесть! Толь-

ко моя мать не понимала, что ей требовалось совершенно другое лечение, а не магическое махание руками.

В тот период она очень изменилась. Жалобы на жизнь были всегда, только теперь они звучали сухо, были немногословными, как будто зажимались внутри, прорываясь в недовольном лице, в напряжённых мышцах. И вдруг всё изменилось: она открыто смогла говорить такие вещи, из-за которых мне до сих пор стыдно, что она моя мать. Зависть – чёрная, ноющая, особенно к самым близким, плавила её на части. В том, что её жизнь не сложилась, она винила каждого. Она была твёрдо убеждена в том, что абсолютно все желали ей несчастья. Мать искренне верила, что ещё в детстве на неё навели порчу.

Н. рассказывала: «Был мой день рождения. И мать повела в сад, прихватив с собой конфет. Она раздавала их детям и говорила, что у меня праздник. Одна из родительниц подошла к ней, поздравила и сказала: «Желаю тебе здоровья, счастья, удачи и хорошо выйти замуж!». Причём когда говорила всё это, кружила меня против часовой стрелки, а потом толкнула не вперед, а назад. Вот так она навела на меня порчу! У меня ничего, зато у её дочери есть все...». И дальше начинались длительные завистливые перечисления. И несчастна она была, что отец её пил, а мать не уходила от него. Братья непутёвые. Подруги завистливые. Она говорила, и тёмный мрак опускался на её жизнь. Ужасная работа, неустроенная личная жизнь, в которой были виноваты близ-

кие.

– Нужно, чтобы был муж, и неважно, какой. Пусть даже пьяница! Только он должен быть, тогда к женщине относятся иначе, с уважением. Вот Л. алкашка, но у неё есть муж, значит, и её ценят...

Я слушала всё это и угадывала наивное вранье. Знаете, это похоже на то, когда кто-то верит в какую-то чушь и пытается это доказать, а ты слушаешь из уважения и вежливости. Мне противно, что я всё это слушала, одобрительно кивала головой; во мне был страх огорчить или обидеть. Тот, кто будет это читать, даже не представляет, как я злилась и негодовала, что моя мать та женщина, что требовала от меня и воспитывала во мне высокие моральные принципы, думает и говорит с точностью наоборот.

Ближе к весне она превратилась в живой скелет. Стоны не прекращались ни днем, ни ночью. Я просыпалась под них, я возвращалась из школы, и протяжное сипение встречало меня. Я делала уроки под звуки сдавленных мучений. Я засыпала под протяжные болезненные причитания, наполненные не словами, а звуками, в которых была не только физическая боль – в них было сожаление о пройденных годах. Была ли мать моя счастлива хоть немного? Думаю, нет.

Едва первые весенние лучи касались земли, я выбегала на улицу и кружила в окрестностях дома, напевая простые мотивы и звуки. Так мне было легче, я чувствовала себя живой, а не гниющей заживо вместе с матерью. Мне было неприят-

но находится с ней, и дело было не в тягостных разговорах и вечных жалобах, а в беспросветной глупости, в которую она верила. Однажды заметив, что у меня тёплые ладони, она заключила, что я могу лечить – исцелять ладонями. Она просила прикладывать их к её спине, руке, голове... И в том подростковом возрасте я хорошо понимала, что я не вылечу её, и даже не ослаблю боль. Она была уверена, что икона на её груди и мои руки могут сотворить чудо, а это очень сильно меня злило, и я нутром понимала, что она пытается переложить ответственность за своё лечение на меня, на знахарей.

Я стояла на погребке и под весенними лучами выдавливала из себя высокие бессмысленные звуки. Мне было хорошо, душа была свободна, и я знала, что всё наладится. Мне стало легко, напряжение и страх ушли, я успокоилась. К сожалению, ненадолго. Стоило вернуться в дом и войти в комнату, как в меня полетел укор: «Ты пела! Тебе так весело? Ответь, чему ты радуешься?».

Мать трясло, слезы блестели на глазах. Я недоумевала: как она могла услышать? Погреб стоит за домом на значительном расстоянии, обращённый к нему глухой стеной. И чем больше она говорила, тем сильнее, я ощущала чувство вины, перепачканное злостью. Мне хотелось кричать: «Перестань быть жертвой! Перестань жаловаться на жизнь! Я устала слушать твои жалобы! Я устала от зависти и злобы!». Да, мне хотелось, чтобы она услышала меня. Услышала хоть раз! Но вместо этого я замирала, все мышцы в теле сводило. Слов-

но удавка затягивалась на горле, когда я продолжала её слушать, а не кричать о своей боли.

Мне всё чаще снились кошмары, где что-то страшное подкрадывалось ко мне, открывало рот с протяжным мычанием и желанием поглотить. Я билась во сне, вырываясь из его цепких лап, а когда открывала глаза, страх охватывал ещё сильнее – это ужасное мычание долетало из соседней комнаты. Кошмар был не во сне, он был в реальности. Сердце сжималось... И только через доли секунды я понимала – это стон моей матери.

Я понимала, что её болезнь серьёзна. Я готовилась к худшему, особенно после её слов. Я помню все спазмы, что сжимали моё тело, это происходит и сейчас, стоит только вспомнить...

– Мама, мама, прилетели, большие чёрные птицы. Они делают себе гнездо, – звонко рассказывала ей.

Она кисло глянула на меня, застонала, а потом попросила:

– Иди, сходи к этим птицам и скажи, чтобы прилетели сюда и заклевали меня! Пусть прилетят и убьют ...

Она продолжала говорить страшные вещи. Я вышла из комнаты. Она звала меня обратно, но я не вернулась.

Тем же вечером она ласково подозвала к себе, долго гладила по голове иссушенной рукой, а потом начала свой монолог:

– Я должна рассказать тебе о твоём отце, но ты ещё маленькая и ничего не поймёшь. Никого не слушай! Я всё тебе

расскажу, всё, как было, всю правду. Только подрасти немно-
го.

Скоро, мамочка, мы увидимся, осталось недолго, тогда и
расскажешь.

Жизнь возвращалась на землю. Исхудавшие воробьи чирикали и плескались в лужах растаявшего снега. Солнце непозволительно и радостно врвалось в комнату, мама все также отстранённо смотрела в одну точку. Последние дни она ни на что не реагировала. Бабушка пыталась кормить её, но всё было тщетно: ложка бульона вытекала из полуоткрытого рта, стекала по подбородку и мутным пятном оседала на кофте. Стоны прекратились; вместо них она издавала протяжные, глухие выдохи.

Бабушка неотлучно сидела у кровати. Она знала, что скоро всё прекратится. Неподвижный взгляд матери был обращён к потолку.

Я была готова расплакаться. Для меня стало невыносимо находиться рядом, и я выбежала на улицу, забила в угол.

– Пусть умрёт, пусть умрёт, пусть умрёт... – умываясь слезами, шептала ветру. – Да, пусть умрёт наконец-то! – отвернувшись к стене, я продолжала просить. – Бог, если ты есть, то пусть она умрёт! Пусть умрёт!

В тот день я впервые пожелала ей смерти. Тогда в один миг на меня свалилось осознание, что её уже нет – есть только живой призрак моей матери. Впереди была неизвестность, однако это не пугало. Наоборот, я испытала облегчение. По крайней мере, её страдания и мои закончатся.

Бабуля глянула в окно.

– Как на улице? Хорошо? – она пыталась меня отвлечь.

– Даже очень! – к своему удивлению, ровным голосом ответила ей.

Я смотрела на происходящее со стороны. Всё было чужим и обезличенным. Это не моя жизнь, нет. Больше не было слёз, не было горечи. Я не боялась остаться одна. Моя мать потерялась давно, слишком давно её не было в моей жизни – рядом со мной была оболочка, что жертвенно умирала все эти месяцы.

– Иди, погуляй, сходи к дяде! – обнявши меня, велела бабуля.

Я почувствовала облегчение: мне не придётся быть рядом, когда её сердце перестанет биться.

По дороге я встретила достаточно много знакомых, они интересовались, куда я иду. На мой ответ все реагировали искренним сочувствием, словно понимали: она сейчас умирает. Ещё чуть-чуть – и оборвётся эта полная боли и смятения жизнь.

А потом я плакала.

– Машенька, мама умерла, – приглушённым голосом сообщили мне и разразились в рыданиях.

Я тоже заплакала, ведь все ждали от меня этого. А потом было все чётко, как на автомате: организация похорон, траурное шествие, опускание гроба, поминки...

Старший мамин брат оформил опеку, это позволило мне остаться с бабушкой. Я жила всё в том же доме, ходила в ту же школу. Всё было, как раньше, только без матери. Именно тогда я вкусила первые плоды ответственности. Мне нужно было самостоятельно следить за своей одеждой, обувью, причёской, совершать покупки. Бабушка не справлялась, даже завтрак лежал на моих плечах. Поэтому глоток кипятка, который даже чаем не назвать, был моим единственным пропитанием. Не буду драматизировать, в моих силах было вытерпеть первые три урока. К примеру, можно идти на ухищрение: втягивать живот таким образом, чтобы громкое урчание не докучало окружающим. Всего-то несколько часов, а потом безвкусным школьным обедом я утоляла голод.

Засыпала я поздно, под звуки телевизора. Мой дядя-пропойца всё никак не возвращался к своей ненаглядной и не уезжал на заработки. Теперь из соседней комнаты вместо предсмертных стонов долетали звуки очередного боевика. Разборки между ним и бабушкой были частыми и злобными.

Мягко говоря, мне это не нравилось. По закону, я должна была жить в семье опекуна. Только в моём случае всё было перекручено с ног на голову. Бабушка не спешила расставаться со мной, да и дядя-пьяница искренне считал, что имеет на меня куда больше прав, чем законный представитель.

Сейчас модно открыто говорить о стрессе; анализируя своё детство, я понимаю, что большую часть времени провела в подавленном состоянии. Я помню раздражающий, надрывный кашель, что целый месяц мучил меня; казалось, я была готова выплюнуть лёгкие. Никто ничего не замечал, пребывая в постоянных перебранках и разбирательствах. Я помню скандалы, что начинались утром и завершались вечером. По всей видимости, и бабушка, и дядя получали от этого нездоровое удовольствие.

Именно в тот период ко мне впервые закралась эта нехорошая, страшная мысль. Я помню, как кашляла в подушку, чтобы никого не разбудить. В правом лёгком стало больно, как будто что-то отломалось. Я скорчилась, а дальше возникли мысли: «Если я умру? Страшно ли это? Уснуть и не проснуться!».

Заложница ситуации. Мой детский мозг, не справлявшийся с навалившимся стрессом, не смог придумать ничего более умного, чем убить себя...

В жизни ничто не вечно и никто не вечен. Бабуля умерла. Я переехала к дяде-опекуну. Так начался мой спокойный период, продлившийся три года.

Вспоминая период юности, я до сих пор ощущаю вкус свободы. Эта энергия разжигала во мне великие мечты. Они вспыхивали ярким пламенем и вели вперёд, я не чувствовала боли, страха или ограничений. Я просто двигалась, и все эти действия дарили мне истинное удовольствие. Только юношеские мечты хрупкие, как хрусталь, – они всегда ломаются, ибо со временем понимаешь бессмысленность и убогость, заложенную в них.

Мечты не кормят! Хлеб покупаешь на зарплату, полученную от нелюбимой работы. Когда-то я желала стать поэтессой. Глупая, наивная дурочка. Ещё в детстве я услышала неприятное выражение: «Художник от слова худо!».

Мне было восемь, и слово «хорошо» я писала через «а», и о запятых ничего не знала. Только стихи уже сочинялись. Строки были без такта и ритма, но я писала. Моя мать сразу дала понять, куда засунуть мой талант. Помню, как она посмотрела на мои каракули серьёзным и холодным взглядом.

– Ты это написала?

– Да! – я чувствовала себя гордо и приподнято.

Она молча отложила тетрадь. Ни похвалы, ни критики. Больше моим творчеством она никогда не интересовалась. Никогда! Я улавливала в её словах и взгляде что-то пренебрежительное, когда она замечала, как я вместо уроков пы-

талась срифмовать очередную строчку.

Сейчас я понимаю, что поэзия, а потом и проза, были единственными занятиями, которые я делала не ради одобрения, а ради себя. Н., следует отдать должное, мягко предупредила об абсолютной бесперспективности этой затеи. Представителям творческих профессий в наших широтах живется не сладко.

И пусть эта «глупость» до сих пор приносит удовольствие, и даже сейчас, когда я пишу эти строки, ощущаю, что ради своих стихотворений я могу сохранить жизнь – ведь в моей голове целый омут нереализованных идей, которые обнадёживающе нашёптывают: «Оставайся, живи, твори!».

Превозмогать депрессию и лишения, продолжая отдаваться творчеству – это заманчиво, только надо иметь силы оставаться собой. Внутренний стержень и непоколебимые убеждения. Я хочу посвятить свою жизнь творчеству, только я отчётливо понимаю, что оно меня не накормит. Мои рифмы никому не нужны. Мир требует успешных, устроенных людей. Все романтические позы, устремления к идеалу и призванию должны сгнуться в юности. Если этот рудимент не отмирает, в дальнейшем будет несладко. Вечные метания между хлебом насущным и творчеством изматывают. Хочется не только сочинять, но и кушать.

А как быть с творческой депрессией? Писать всё сложнее и сложнее. Теперь я не пишу легко, стихи не приходят потоком, как раньше, так, что едва успеваешь записывать. Каж-

дая строчка рождается в муках. Наверное, я иссякла, и мне больше нечего сказать...

Кромешная тьма. Шторы плотно закрыты. Свет дисплея врежется в лицо, 3.45. Глазам уже не больно. Вчера я уснула на рассвете. Сегодня история повторяется.

Может, поесть?

Обезумевший мотылёк кружит у лампочки. Совсем скоро он рухнет на пол. Вот она, жизнь, и рядом с ней смерть. Они всегда ходят парой, рука об руку. В песне группы «Tractor Bowling» есть строчка: «И любой, кто родился на свет, не уходит отсюда живым».

Жую машинально; несколько движений челюстями – и проглатываю. Пища пресная, вкус отсутствует, никакого наслаждения. Я пытаюсь забить бездонную дыру, разрастающуюся во мне. Сколько её не корми, будет мало, она ненасытная и злая. Еще чуть-чуть – и темнота поглотит меня.

Кричащие мысли – это мой бич! Как остановить этот поток? Они дробят мой мозг на мелкие детали. Если бы хоть одна живая душа знала, что творится в моей голове! Сущий ад...

Отчего так гадко? Поглядываю на остатки бутерброда. Может, посолить? Тянусь к солонке и вспоминаю пример школьного учителя. 200 грамм соли – и проблема жизни решена. Наверное, это будет не очень красиво, если меня найдут холодной, застывшей на унитазе в неудобной позе. Труд-

сы на полу, голова прижата к стене, и вонь, жуткий, отвратительный запах дерьма. Соль разъест пищевод. В общем, смерть мучительная, медленная и совсем не эстетичная.

Кусок хлеба летит в урну. Раньше я никогда не выбрасывала еду. А сейчас мне тошно. Тосно от этой жизни. Я устала от неё. Нет сил! Зачем? Существование без смысла, без цели.

Банка шоколада, приторной, коричневой жижи. Чудо химического производства. Отправляю в рот. Иногда помогает. Только не сегодня – тошнотворная сладость не ощущается. Смела полбанки, только легче не стало. Завтра высыплет, вся спина покроется белыми гнойниками. Только имеет ли это значение? Никакого! Может, до завтра не доживу. Последние дни мне плохо. Я готова наложить на себя руки прямо сейчас, и не ждать конца февраля, забить на дневник – пусть думают, что хотят, понимают или не понимают – мне глубоко наплевать. Я больше не хочу это продолжать.

Единственное правильное решение, что я приняла, касается суицида. Это больше невозможно продолжать. Я не могу жить в этом мире, я не приспособлена к нему. И самое фатальное в том, что я не желаю ему соответствовать. Изменить его для себя мне не под силу. А измениться, прогнуться под него равно смерти.

Мне 26, а я больше не хочу. Я не могу. Этот мир высосал из меня все силы. Подымай, медленно мучаясь и волоча невыносимую брэнность. Работай по 12 дней, не подни-

мая головы, приходи по вечерам разбитой, с одним желанием пожрать и впялиться в телефон, до того момента, пока не станет тошно, и мысли о суициде плотно схватят за горло. Я работаю на износ. Для чего? Чтобы откладывать на квартиру. Ведь у меня нет жилья, и, следовательно, мне надо его купить. Я слышу это отовсюду. Надо, надо, надо! Всё верно, это надо тем, кто собирается выживать в этой системе, брать кредиты на свои нужды, размножаться. Меня это не прельщает. С такими темпами мне надо пахать десять-двадцать лет, при этом ничего не есть, не пить и прикрываться соломой.

Я думаю о своих деньгах. Они – это потраченное время, время моей жизни. Оно ничего не стоит – сущие копейки, которые мои друзья называют хорошей зарплатой. А ведь их едва хватает на аренду жилья, еду и одежду. А ещё надо отложить! Зачем? Перспектив не видно. Я хочу подохнуть. Закрывать глаза и больше никогда их не открыть. Больше никогда!

Я готова убить себя прямо сейчас...

Вчера меня нешуточно накрыло. Я рыдала взахлёб, нервно корчась на полу; он был холодный, но это ни на йоту не отрезвляло. Дыхание перехватывало, слёзы крупными каплями стекали по щекам.

– Боже! – я обратилась в темноту. – Если ты есть, заведи меня к себе. Я так больше не могу! Я хочу умереть! Я...

Сипение в горле прервало мольбы. Слёзы захлестнули. Вчера ночью я наплакалась до головной боли, видно, это меня подкосило.

Сегодня кто-то отвратительный и незнакомый смотрит на меня из зеркала. Знакомьтесь, это я – Мария. Наркоманки и запойные выглядят лучше, а я просто не хочу жить. Сейчас модно говорить о депрессии; я не знаю, что со мной, но это продолжается давно. Год, два... пять... Я измотана. Раньше такое состояние было редкостью, но сейчас оно крепко схватило и держит невидимой рукой за горло. Я себя убью. Надеюсь, дотяну до намеченной даты.

Какой способ лучше?!

Вчера я решила, что соль не лучший вариант. Может быть, лезвия? Перерезать эти тонкие, синие жилки, и пусть жизнь покинет тело, убежит по трубам канализации алыми потоками крови.

Этому миру нужны успешные и состоявшиеся. Я слышала об этом всегда. Мне говорили, как надо правильно, и что я в итоге получу. И всё действительно было так, только удовольствия это не приносило. Я никогда не буду такой, как надо. Я не могу! Я не хочу! А стать собой у меня не хватает смелости. Страх превращает в каменное изваяние, которое жаждет разбиться вдребезги.

Раньше у меня были цели и мечты, они держали на плаву. Позже, отказавшись от них, мой мир рухнул. Почему я так сделала? Я слабая! Когда годами вокруг меня разворачивалась одна и та же модель существования, это воспринималось, как норма. Делай, как все. Ведь большинство поступает правильно. Чередой: жрать, срать, спать, трахаться, совершать бессмысленные действия, размножаться...

Не хочу! Не буду! Меня трясёт от ненависти к этому миру, от злости на саму себя. Я боюсь начать ту жизнь, о которой мечтала. Я боюсь потерпеть неудачу, я боюсь выглядеть глупо... Бесконечный поток мыслей выматывает за несколько минут. Во мне не остаётся ни капли энергии.

Уснуть и не проснуться – иногда так бывает. Здесь, на земле, я как в тюрьме, я всей душой жажду свободы. Я верю в другие жизни, я знаю, что, уходя, мы снова приходим в этот мир. Я хочу начать игру заново.

Сегодня Международный день детей, и я должна сказать им «спасибо»! Так уж сложилось, что все мои источники к существованию были связаны со спиногрызами. Между прочим, образование у меня педагогическое. Я хочу написать про это: об учёбе и отработке... Думаю, это правильно; молодой следователь должен понимать, что причина суицида в моей жизни, в каждом её аспекте. Все эти неприятные осадки собирались годами, переплетались между собой и разрастались, как раковая опухоль.

Что могу сказать о своём образовании? Отношение к нему было априори неправильным. «Только бы получить высшее образование!» Зачем оно было нужно? Ответ на этот вопрос я не знаю до сих пор. Ведь все так делали, все получали «вышку»! Знаете, тот, кто первый придумал сравнить образование со смертной казнью, был очень умным человеком. И его злобный юмор уместен и злободневен.

Как ни крути, высшее образование учит широко смотреть на мир, видеть и понимать ту дрянь, что его населяет. Ты начинаешь задавать себе риторические вопросы, а потом – бац! и шея сломана удавкой. Надо быть тупым – это залог сохранения жизни. Ведь дальше, чем пожрать, поспать, и прочие примитивные жизненные потребности, ты видеть не будешь, мозги не работают, чтобы понимать, и через 20 лет

все будет также. Белочка в колесе бежит, старательно крутит, крутит... а потом поддыхает. Зачем крутить это странное колесо? Я хочу свободы прямо сейчас! Я имею полное право на смерть, коль жизнь моя пройдет в бесконечной погоне за куском хлеба.

В моей стране самый высокий процент людей с «вышкой», а ещё мы входим в пятёрку стран с высоким риском суицида. Вот так-то, товарищи!

«Без диплома ты никто!» – слышала я везде и всюду. Кстати, теперь я знаю, что и с дипломом ты ничто, и звать тебя никак!

Мой выбор был ограничен; предметы, в которых я хоть что-то смыслила, можно было пересчитать по пальцам одной руки. Вот так я стала педагогом-психологом. Учиться мне нравилось. В университете я открыла для себя, что процесс обучения может быть лёгким и увлекательным, что совершенно не вязалось с моими школьными годами. Я шутила над собой, что к восемнадцати годам пелена тупости спала с моих мозгов. Как бы ни звучало это комично, но я стала понимать, то, что изучала. До этого любая информация воспринималась как что-то несвязное и непонятное. Я туго запоминала без осмысления, и также легко забывала.

Будучи на последнем курсе, появилось беспокойство: впереди ждало распределение. «Два года «бесплатного», кошмарного Сизифова труда на государство», – вот что я знала о своём будущем. И как бы ни звучало это пафосно, деньги и

трудности не особо меня занимали. Я предвкушала возможности, мне хотелось получить опыт. В тот период я твердо решила связать себя с психологией, а стихотворения и книжечки оставить в качестве приятного хобби для моей мятежной души.

Раз, два, три – и я попадаю в совершенно непонятный мир. О какой психологии я говорю! О чём это я? В системе образования нужен хороший писарь, но не психолог. Представление о моей профессии у родителей сводилось к двум вариантам: шаманизма или психиатрии. Среди коллег я числилась бездельницей, но на которую в любой момент можно сбросить свою работу. Были ещё проверяющие: интересные существа, которые рассказывали, что и как делать. Удивительно то, что требования менялись в зависимости от человека. Другое начальство – другие требования, а менялись они часто. Самое противное в этой ситуации, что должностные обязанности были прописаны туманно.

Машина образования – это обезличенное существо, которое только и ведает слово «рейтинг»! Кто вообще придумал эту дьявольскую систему вечной борьбы, где нас вынуждают гнаться за ничего не стоящей цифрой. Став сегодня первыми, уже завтра мы можем оказаться в конце. Образование – это не про создание условий, в которых формируется личности, не про обогащение знаниями, и даже не про воспитание. Образование – это фальсификации и подтасовки, ущемление прав человека, извращение обязанностей; это формиро-

вание тупого, податливого и мало думающего стада. Детей не учат нести ответственность, их контролируют, оберегают от ошибок, оставляя беспомощными, инфантильными и лишенными жизненного опыта.

Для чего это делается?

Чтобы не потерять позиции рейтинга!

Потом я уволилась. Так завершились мои отношения с государственными организациями. Уподобившись доброй половине своих сверстников, я бросилась искать счастье в частных предприятиях. Если говорить о моей текущей работе, то внешне я стараюсь быть приветливой. Улыбка не покидает лица. Ведь всё хорошо. Блеф, дешёвая ложь для окружающих. Главное – приятная, доброжелательная картинка. Поток мыслей нарастает. Меня раздражает каждый человек, слово, вопрос, взгляд. Я ненавижу себя, я ненавижу их. Сдержанность, вежливость и обходительность – и вот они расплываются в блаженном удовольствии, протягивая свои денежки. Все люди одинаковы: говори о них, слушай их, и они к тебе вернуться. Разве они приходят за товаром? Нет, они ищут у меня свою значимость. У той, которая морально разбита.

Вспоминаю анекдот:

« – Ненавижу людей!

– Мизантроп?

– Продавец-консультант».

У меня есть много постоянных покупателей, часто они заходят просто поздороваться. В выходные дни любят спро-

силь, когда я буду, а двухнедельный отпуск – это целое испытание. Вот это привязанность! Как быстро они меня забудут? Я думаю, через месяц никто не вспомнит даже моего имени. Была, да не стало.

Сегодня день аванса. Мне бы прыгать от счастья и радоваться, как это делают другие. Только нечему. Завтра от этих жалких бумажек ничего не останется. Я не могу купить то, что хочу, а то, что по карману – ненужный хлам. Заколки, бантики, 101 бутылочка лака... Именно так я забиваю пустоту внутри себя. Только она ненасытна. Секундное удовольствие сменяется разочарованием. Если бы у меня был миллион долларов, что тогда? Я бы купила квартиру, просторный загородный дом, отправилась путешествовать...

А потом?

Вскрылась в красивой ванной с позолоченными смесителями.

Повесилась на серебряной веревке.

Выпила яд из бриллиантовой бутылочки.

Деньги не решают проблемы. Жизнь не купишь. Я это прекрасно понимаю. Что-то внутри сломано.

Мне очень гадко, боюсь, что убью себя раньше, чем наступит 27 февраля.

Сегодня странный день. Я простояла сорок минут с петлёй на шее. Стул был скалой, а вокруг – бесконечная пропасть. Только один шаг – и всё завершится. Вечный полёт – вечная жизнь!

Я пишу поэтично о страшных вещах, только если ты прочтёшь дальше, мой неведомый читатель, то узнаешь, что верёвка была из махрового пояса, прикрепленная за люстру на один узел. Это была не попытка – это была репетиция. Даже вздумай я удавиться, то благополучно приземлилась бы на попу. Больше шума, чем толка.

Я баловалась: раскачивала стул, прыгала, стояла на одной ноге. Всячески испытывала нервы. Однозначно: спрыгнуть с моста, вскрыть вены или замерзнуть морально проще, чем накинуть удавку себе на шею. В образе петли есть что-то пугающее. Словно не ты себя убиваешь, а кто-то невидимый. Длинный синий язык, испражнения, сломанная шея... Я моделировала ситуацию, явственно ощущая, как конвульсии завладеют моим телом, но жажда жизни может внезапно проснуться, и я начну цепляться за всё, что можно, лишь бы сохранить эту тонкую, бьющуюся жилку. Боль давящая, жгучая. Наверняка я услышу, как с противным хрустом ломаются позвонки, и это случится раньше на долю секунды, перед концом.

Я задержала дыхание. Не считала, только смотрела перед собой. Удивительно, но мои глаза стали видеть лучше, а звуки приобрели фантастическую чёткость. Я хочу вдохнуть, но сдерживаюсь. Тело начинает выкручивать. Может быть, сейчас мне хватит воли. Я мотаю головой, пытаюсь заглушить требовательные позывы лёгких, и чувствую, как они сокращаются – им нужна порция кислорода. Меня трясёт, я поддаюсь этому животному инстинкту, и воздух наполняет меня. Вдох опьяняет...

Я закрутила роман с женатым мужчиной. И от всего, что произошло, мне тошно, я хочу умереть прямо сейчас. К черту эти условности! Не хочу дожидаться февраля. Убить себя сейчас – самое сладкое желание. Мне никто не мешает. Знаете, это будет сегодня, я уже всё решила. Только перед самоубийством я расскажу о Марке.

Собственно, до каждодневных приходов я не обращала на него внимания. Я не помнила ни его, ни его жены, и, тем более, ребёнка. После он рассказывал, что раз в неделю они заходили с супругой, но моя память не отпечатаала лиц.

Пока жена Марка, Лидия, разглядывала полки с литературой, а сын переворачивал стеллаж с конструкторами, глава семейства пристально разглядывал товар за моей спиной. Я то и дело отходила в сторону, не особо понимая, что же такое интересное этот мужчина нашёл в канцелярских товарах. Давая возможность лучше рассмотреть бумагу и ножницы, делала шаг вправо или влево, на что Марк, неизменно реагировал улыбкой.

– Пап, смотри, я давно мечтал о таком! – ребенок протянул коробку.

– Ты это сможешь складывать?

– Да.

– Точно?

Мальчишка уверенно кивнул головой.

– Или как в прошлый раз? – настаивал отец.

– Нет!

– Хорошо.

Рассчитав их, я протянула коробку. Пальцы Марка, проскользнули по моей ладони: горячие, прожигающие до кости. Он не спешил забрать покупку, а я не торопилась отдернуть ладонь. Я пристально посмотрела на него – он улыбался. Это мой человек, сомнений не было. Он открыто симпатизировал мне.

Перед сном я вспомнила Марка. Я думала: а что, если этот мужчина узнает, что меня не стало, о чём он подумает? И подумает ли вообще? Может, он не вспомнит меня? Может, я всё придумала?

Он пришёл на следующий день один. Мы долго говорили, я помогала выбирать подарок. Вся беседа была на удивление лёгкой и приятной. Все началось с вчерашнего конструктора, который в очередной раз собирал Марк, и плавно перетекло в обещание заехать завтра к обеду и купить что-нибудь занятное сыну. Попутно я узнала, что его жена обожает наш магазин, а живут они в доме напротив.

– А работаете Вы здесь давно. Я помню Вас ещё с прошлого года, – делился Марк своими наблюдениями.

– Да, всё верно.

Сегодня он рассчитывался карточкой. Я не с первого раза запомнила фамилию, но запомнить имя было мне под силу.

Возвращая её, вежливо поблагодарила:

– Спасибо, Марк!

– Не благодарите, – его пальцы убрали длинную прядь волос, прикрывающий бейдж на моей груди, – Мария!

На следующий день он был у меня, как и обещал. Протянул пакет, пояснил:

– Это Вам, Маша!

– Что это?

– Конфеты ручной работы! Скоро обед, к чаю будет как раз.

– Спасибо! Неожиданно!

Он только улыбнулся.

– Дайте мне тот глобус. Он ещё вчера мне приглянулся.

– Так почему не брали?

– Маша, не лишайте меня удовольствия видеть Вас. Купи я его вчера, мне незачем было бы приходить сегодня.

– Просто заходите поболтать.

– Да? Вы, разрешаете?

– Конечно.

Мы засмеялись.

– Ловлю на слове. Буду завтра.

И он пришёл перед самым закрытием. Предложил подвезти. В первый раз я отказалась. Не могу сказать, что это его расстроило – скорее раззадорило. На моих глазах в нём просыпался охотник. Я наблюдала за происходящим, и сама не заметила, как увлеклась предложенной игрой.

Я всё реже думала о суициде. Нет, я не отказалась от него: это было как что-то обязательное и само собой разумеющееся. Я продолжала с тем же нетерпением ждать намеченной даты. Только мысли мои всё чаще были обращены к Марку, а не к способам остановить мой пульс. Мне было любопытно, что будет дальше.

В четверг он позвонил на работу.

– Алло, Мария?

Я растерянно вращала глазами. Покупатели так не обращаются ко мне.

– Да!

– Вы сегодня работаете?

– Конечно.

– До которого часа?

– До семи.

– Отлично.

Я не сразу поняла, что это он. Я вообще этого не поняла, кто это был, до самого вечера, пока он не появился. Выбирал долго и скрупулезно, но так и не сумел остановиться на чём-то одном. Торговый центр закрывался.

– Надеюсь, мой звонок не сильно побеспокоил?

– Всё нормально, это моя работа.

– Я хотел убедиться, что застану Вас на рабочем месте. Не хотел приехать и увидеть кого-то другого.

Он посмотрел на часы.

– Я задержал Вас. Это нехорошо. Позвольте, я отвезу до-

мой.

Я медлила.

– Не подумайте ничего плохого. Просто там, на улице, ужасная погода. Я буду чувствовать себя свиньёй... Вы явно опоздали на транспорт, и сейчас придётся ждать. Мне не сложно...

– Хорошо.

Мы ехали молча. Мне хотелось заговорить; я чувствовала себя неуютно, но нарушить молчание первой не решалась. Он изредка поглядывал на меня и улыбался. Его план удался; я ощущала, как он ликует.

– Ты здесь живёшь?! – подъехав к старенькой пятиэтажке, спросил Марк.

– Снимаю, – пояснила я.

– Давай будем на «ты»?

– Согласна.

– У меня для тебя кое-что есть.

Марк достал с заднего сидения охапку красных роз. Это был хорошо сложенный букет, декорированный рускусом, завернутый в фетр и обвязанный бечёвкой с золотистым люрексом.

– Это тебе.

– Спасибо! Ты ухаживаешь за мной?

– Пытаюсь!

– Я пойду.

– Конечно. Увидимся завтра! Надеюсь, ты работаешь?

– Да.

На следующий день история повторилась. Он вёз меня домой. Мы болтали. Темы для разговора брались из воздуха. С ним было легко и спокойно. Это удивительное ощущение, когда хочется довериться незнакомому человеку. Впервые за много лет я желала поделиться своей болью или просто сказать: «Я решила умереть!». Не для того, чтобы он меня спас, нет. Бумага может только передать мои мысли, не эмоции. Мне так хотелось, чтобы Марк увидел моё истинное лицо, а не то, что я вынужденно выставляю напоказ. Другое: сломанное, готовое умереть. Настоящее. Пусть хоть один человек увидит мою мимику, жесты, услышит тембр голоса, когда я произнесу свою ключевую фразу: «Знаешь, я решила себя убить!».

– Зайдешь на чашку кофе?

Глаза выдали его приятное удивление.

– Конечно.

Он поднимался беззвучно, словно тень. Перешагнув порог, мужчина не стал медлить, а мигом притянул к себе. Марк крепко держал меня за плечи, припадая губами к лицу. Это было совсем не то, что я хотела. Только на что я рассчитывала? Что взрослый мужчина, будет слушать сопливый рассказ о том, как я вскрыюсь? Или вникать в причины суицида?

Глупо! Он хочет секса. Он его получит. Прямо сейчас. А потом пусть катится на все четыре стороны. От меня не убу-

дет, всё равно скоро моё сердце перестанет биться.

Вещи летели на пол. Это была неподкупная и бесконтрольная страсть. Марк таков: если его кто-то занимает, он полностью растворяется в этом человеке. Я поняла это не сразу, а спустя время. Тогда я думала, что он изголодался по интимной близости. Всё было чудесно: стаж семейной жизни и не одна любовница красноречиво говорили за себя.

Он не хотел уходить. Отшучивался и тянул время. Мне было приятно просто лежать рядом с ним и молча смотреть в потолок. В какой-то момент, я подумала, что это не хорошо. Я могу влюбиться и отказаться от ухода. Что потом? Жить и быть его любовницей? Зачем? Он уйдет – это только вопрос времени! Это ложный смысл, и потом ещё с большей досадой придётся лезть в петлю.

А если он захочет уйти из семьи ради меня?

Что за глупости?! Этого никогда не будет!

А если?

Я не позволю – он нужен им больше чем мне.

Он ушёл на рассвете. Я помню, как повернула ключ в замке и прижалась к холодной двери; я не хотела его видеть, слышать, чувствовать. Моя кожа леденела. Пусть эта металлическая дверь выморозит всю страсть, что вспыхнула этой ночью и никак не могла погаснуть в моей душе.

Я была настроена решительно больше с ним не видеться ни под каким предлогом. Игнорирование продолжалось неделю, а потом я сама себя предала, и снова оказалась с

Марком в одной постели.

Он звонил мне, но я не отвечала. Он приезжал на работу, и, к моему большому счастью, у меня всегда было полно покупателей, так что он не мог со мной поговорить. Марк встречал меня после работы, но я делала вид, словно не вижу и не слышу его.

– Что происходит, Маша? Я могу узнать? – в его голосе было волнение, а взгляд обеспокоенно метался по мне.

Был ли он зол? Не знаю, ничто не выдавало его. В жестах, словах, поведении была навязчивая забота, которую я жёстко пресекала.

Он исчез, и дышать стало легче. Несколько раз заходила его жена; на удивление она была одна. Моё сердце бешено колотилось. Я не могла смотреть на неё. Стыд застревал в моих мышцах, делая их деревянными. Вина опускала мои глаза к полу. Мне хотелось сказать ей: «Ударьте меня крепко! По лицу, по губам, что целовали вашего мужа! Разбейте их, пусть брызжет кровь! Обрежьте мои локоны, что гладили его руки!».

Это произошло в конце недели. Марк дожидался меня у дома.

– Маша, давай поговорим! – он выскочил из машины.

– Нам не о чем говорить!

Я попыталась войти в подъезд, но он не позволил.

– Один разговор! Десять минут! – это было не предложение, это было требование.

Я согласилась. Мне нужно было дать хоть маленький комментарий по поводу моего странного поведения.

– Маша, ты не берёшь трубку, не говоришь со мной, отворачиваешь голову, делаешь вид, что меня вообще не существует! Почему так, я не хочу знать! Только ответь мне. я заслужил это?

Мне хотелось пасть на колени и просить у него прощения. Он мучается из-за меня.

– Да или нет? – он снова повторил вопрос.

– Нет, – сухой комок подступил к горлу. Я была готова разреветься, к чувству вины добавилась злость. Я ненавидела себя.

Марк притянул мою руку и прижал к своей груди:

– Чувствуешь?

Его сердце бешено колотилось.

Горькая улыбка появилась на губах, и он добавил:

– Седина в бороду, бес в ребро... Маша, я чувствую себя паршиво... Мне кажется, я сделал что-то не так, я обидел тебя. Я не знаю, как это сказать...

Я не могла его больше слушать, но вместо того, чтобы бежать, я бросилась к нему на шею. Я почувствовала в нём своего родного человека, он страдал не меньше меня. Его терзало чувство вины. Мы были по одну сторону баррикады. Я прижималась к нему, нашёптывая:

– Прости, прости...

В ответ слышала глухое:

– И ты меня...

Больше мы не возвращались к этому разговору. В тот вечер он показал мне «наше гнёздышко». Квартира, доставшаяся ему по наследству от бездетной тётки. Там проходили наши встречи.

Звонки, сообщения, встречи – я с головой ушла в любовный круговорот. 27 февраля стало для меня только датой. Под влиянием любовной интрижки я с лёгкостью отказалась от суицида. Я не говорила себе: «Теперь у меня есть Марк, и я не хочу умирать!» Я просто перестала думать об этом и готовиться покинуть этот бранный мир.

Сегодня любовный дурман спал. Он зашёл на работу с супругой. Всё было, как обычно: она изучает книги, а он витрину за моей спиной. Мило улыбался, подмигивал. Я наблюдала за ней; она здесь, рядом, и ничего не подозревает. Подло и гнусно! Я паразит в их жизни! И снова это ощущение, как в тот вечер, когда я решила себя убить: это не моя жизнь!

Злая шутка. Я – любовница женатого мужчины. Хотела ли я этого? Нет! Я посмотрела на Марка: он стал мне противен. Чувство ненависти и безысходности переполняло меня изнутри. Мысли в моей голове, словно голодные адские псы, сорвались с цепи, и за долю секунды изорвали меня. Они воют пуще прежнего! Зачем себя обманывать? Хвататься за отношения, от которых тошно? Зачем я это делаю? Чтобы отсрочить свою смерть? Глупая, до чего же я глупая! С этой проклятой жизнью нужно порвать прямо сейчас. У меня есть

таблетки, много разных таблеток. Я приму их все, все до единой. Завтра утром меня найдут мёртвой с прилипшей блевотиной к волосам.

Если вы думаете, что я умерла, то вы ошибаетесь. Моё тело ещё живо!

Я доверху наполнила кружку таблетками разных цветов и форм. Чего там только не было: снотворное, анальгетики, жаропонижающие, антибиотики и даже витамины. Потрясающий смертельный таблеточный микс. Пустые упаковки специально выбросила на улице: пусть эксперты поломают голову, чем именно я отравилась. Мне хочется оставить загадку для патологоанатома.

Приняв все таблетки до последней, я положила дневник поближе к себе. Предсмертную записку должны найти сразу, чтобы всё встало на свои места.

Через десять минут неприятная резь начала сводить желудок.

– Началось! – ликовала я.

А дальше случилось то, чего я меньше всего ожидала.

В замочную скважину вставили ключ, щёлкнули два оборота. Моё сердце трепетало, как пойманная птица. Возможно, это галлюцинации, никто не ломится, и я брежу... На пороге комнаты показалась Алеся, моя подруга, и по совместительству соседка по квартире.

– О, привет! – она с грохотом бросила дорожную сумку на пол.

Её не было несколько дней, и ничего не предвещало беды. Моя дорогая, ты вернулась в самый неподходящий момент.

– Как дела? – продолжала Алеся.

Я бы рада ответить, но все активно полезло из меня. Желудок совершал бешеные кульбиты и рвался наружу.

– Маша, что с тобой?!

Меня рвало прямо на пол. Что-то сказать было нереально. Из глаз текли слёзы, меня всю трясло, как в лихорадке.

– Ой-ёй! Я вызываю «Скорую»! – вслух решила подруга.

Желудок в больнице мне промыли качественно.

– Что Вы ели?

– Да какие-то беляши из супермаркета, – соврала я.

Доктор назвал название гипермаркета и шутливо поинтересовался:

– Там?

Я кивнула.

– Вы не первая. Сегодня все оттуда что-то съели не то...

Какое удивительное стечение обстоятельств. Конечно, мои анализы не показали наличие возбудителя кишечных расстройств, но никто не обратил на это внимания. Удостоверившись, что моё состояние удовлетворительное, меня мигом выписали, чтобы не занимала койко-место, которое было нужнее тяжелым больным.

Я люблю свою соседку, но какого хрена она вернулась так не вовремя? Может, я бы чуток подёргалась, почти выплюнула многострадальный желудок и пришла к логическому

завершению? Хотя это маловероятно; теперь я знаю, что в любой препарат добавляют специальные вещества, вызывающие тошноту при передозировке. Когда принимаешь пилюли согласно инструкции, ничего страшного не произойдёт, а вот если принять горсть, то всё полезет наружу.

Попытка покинуть этот свет с треском провалилась. Если бы не страх, то стойкое желание попробовать ещё привело бы меня к желанному результату. Как бы парадоксально ни звучало, сильные опасения вынуждают подходить к вопросу суицида рационально, с холодным расчётом, отбросив эмоции. Нужно всё взвесить, скрупулёзно распланировать, и только тогда совершать. Я говорила сама с собой:

« – 27 февраля мое сердце перестанет биться, лёгкие сделают последний вдох.

– А что сейчас?

– Я буду терпеливо дожидаться своей участи в одиночной камере, когда же меня выведут на смертную казнь! Я буду ждать...

– А если помилуют? Вдохнут жизнь в эту мёртвую грудь, подарят счастье, позволят стать собой, избавят от страхов, вины, угрызений совести. А что, если это произойдёт?

– Нет, нет, – заверяла я. – Тех, кто убил себя, никогда не коснётся божественная милость, они будут гореть в аду...».

В те первые дни после отравления у меня были мысли: «Если вдруг я решу сохранить мою жизнь или отсрочить самоубийство, какими должны быть веские доводы или причины?».

Я нуждалась в одиночестве и тишине, чтобы честно отве-

тить на вопросы и понять: зачем мне нужно жить? Как стать собой? И какая я на самом деле? Ответы на эти вопросы могли стать ключами к моему спасению. Я пишу об этом не для красного словца, это действительно так! Вопросы, которые многим покажутся глупостью, решали мою жизнь. Правда в том, что желание смерти для меня было ключевым и непоколебимым. И я буду делать все, чтобы убить себя. Начиная от подготовки до этих нездоровых отношений. Самое страшное в том, что я всё это понимаю. Я понимаю, что сведу себя в могилу, но поделаться ничего не могу. Или осознанно не хочу?

Оставаться рядом с Марком выгодно, и я чувствую себя ничтожеством. И вероятность, что я, в конечном итоге, совершу самоубийство, возрастает. Знаете, когда я смотрю на него, чувство вины ломает мне кости. Бесконечный поток уничижающих мыслей возрастает.

Любовь убивает! Знаете?

Я, отдалась в руки любовника, который наверняка знал, что делать с моей жизнью. Все знают, что с ней делать. Все знают, как мне жить. Да, я – тряпка, кусок мяса! Все люди от рождения свободны. Ключевое слово: «люди»! Слышите, ЛЮДИ! А кусок мяса, обернутый в красивые тряпки, делает то, что ему говорят. Где моя свобода? Где ты? Где моя сила?

Нет ничего, кроме страхов!

«Перестань бояться! Просто убей себя! Это лучшее, что ты можешь сделать! Страхи вызывают сомнения. И вот, ты начинаешь искать никчемные отговорки. Отринь же их! До-

веди свою жизнь до логического завершения и поставь жирную точку в этой истории!» – шептала я себе вместо молитвы.

Да, я мазохистка; я сохранила отношения с Марком. Рядом с ним я проживала, чужую жизнь, и это был залог, что 27 февраля я убью себя. Марк всё решал, а я не противилась, покорно соглашаясь на его предложения. Ведь быть собой, строить жизнь по-взрослому – это великий труд. Для этого нужны смелость и ответственность. Для этого нужно ответить на вопросы:

Зачем мне жить?

Кто я?

Как стать собой?

Ты, человек, который это читает – смейся! Я не могу ответить на проклятые вопросы! Я не могу сделать элементарные вещи! В моей голове хаос, постоянно орущие мысли и куча страхов. Когда тёмный голос вырывается из глубин, я начинаю трепетать. Он – источник самоедства и самобичевания. День за днём он убеждает меня в правильности выбора: «Убей себя! Чего ты медлишь? Умри – это лучшее, что ты можешь сделать!».

В начале июля мы виделись через день; если у нас не намечалась встреча в «гнездышке», то Марк выкраивал время и навещал меня на работе. Несколько фраз, заботливый взгляд, тёплая улыбка, милые подарки – он приручал меня. Со временем противостоять ему стало невозможно, я полностью поддавалась мужским чарам.

Отношения развивались стремительно. Иногда «постельные встречи» проходили без секса. Он ничего не требовал. Я просто засыпала в его объятиях. Голова покоилась на груди, я слушала биение его сердца, и мысли уходили далеко, очень далеко. Они текли, как ручей, но всегда приводили к его жене, Лидии. Какая она? Я не знала, любовник ничего не рассказывал. Всегда ловко отмалчивался или переводил тему.

О сыне он говорил с удовольствием. Марк гордился своим отпрыском. Ему нравилось проводить время с ребёнком.

– Понимаешь, ведь это моё! Это моё продолжение! – с восторженным горящим взглядом завершал очередной рассказ о сыне мужчина.

Откровенно, я не понимала, но одобрительно кивала.

Ещё Марк рассказывал о его родителях, братьях, друзьях и подчинённых, но никогда о жене.

«Что за женщина рядом с ним? Почему он изменяет? Разве она не догадывается?» – думала я, рассматривая в

предрассветных лучах обнажённую спину любовника. Дорожка из родинок устремилась от поясницы к лопатке. Тело крепкое и подтянутое, он выше меня на целую голову. Волос густой, курчавый, отликает медью. Черты лица правильные, по-мужски красивые, профиль выдает аристократа, но с его слов предки были селянами. Марк красивый мужчина. Его сдержанность, тактичность и рассудительность мягко направляли меня, и я шла, не задумываясь, не оборачиваясь назад. Моя жизнь была не для меня, для него.

Был конец июля; мы вышли из кинотеатра. Накрапывал дождь. Марк укрыл меня пиджаком.

– Пройдёмся?

До «гнёздышка» было десять минут пешком. Я согласилась. Бросив машину, мы направились по ночным, безлюдным улицам.

– Марк!

Он был приятно задумчив.

– Что, милая?

– Мы сегодня до утра?

– Да, встретим рассвет вместе, – он поцеловал меня в висок.

– Что ты скажешь жене? Как объяснишь, где пропал всю ночь?

– Не волнуйся, мы ведь не первый раз ночуем вместе. Раньше что-то говорил, и в этот раз скажу, – улыбка не сходила с уст.

– А всё же?

Он тяжело выдохнул.

– Если тебе это так важно... Когда ты хочешь спать в своей постели без меня, то я говорю, что на работе много заказов, поэтому засиживаюсь в офисе и возвращаюсь к полуночи. Если мы до утра, то в этом случае у меня командировка.

– Такие частые командировки? – я не сдержала нервный смешок.

– Лидия умная женщина...

– Какая она?

Я не надеялась на ответ, он всегда ускользал от подобных вопросов.

– Знаешь, я прожил с ней семь лет, но так и не понял. Она хорошая мать, замечательный педагог. Постоянно пытается учить и сына, и меня, – он говорил с самоиронией.

– Как вы познакомились?

– На свадьбе друга. На тот момент меня считали тридцатилетним оболтусом, который занимается рискованным бизнесом, а её старой девой. Лидия старше на пять лет. В день нашего знакомства ей хотелось выйти замуж, а мне развеяться. Отношения начались с её инициативы, а через три месяца, она сообщила, что беременна. Вот так я женился! Как говорят, «по залёту»!

– Но ведь все хорошо сложилось?

– Да, я доволен. Жить с «мамочкой» вполне комфортно, это хороший советчик и друг... Я привык, и она привыкла.

Налажен быт и отношения. Что-то менять глупо. Только пока есть силы, хочется обрести нечто большее, чем привязанность, – он резко прижал меня к себе.

Мы целовались, дождь усилился. Марк словно растворялся во мне, и я с благодарностью принимала эту любовь.

– Хватит, пойдем, – промокнув почти насквозь, я начала отбиваться от его ненасытных губ. – Я не хочу заболеть. Через две недели я иду на свадьбу к лучшей подруге.

– Не пущу, – он подхватил меня на руки и закружил. – Все эти свадьбы выдумали только для того, чтобы сводить людей! Я не хочу, чтобы тебя увёл какой-то молодой и не женатый! Нет, нет, нет, ты останешься со мной! – Марк громко смеялся.

– Поставь меня на землю! – требовала я.

– Нет, я тебя не выпущу! Теперь ты моя!

Любовник говорил шутливо, но в каждой фразе скрывалась обнажённая правда-ревность.

За две недели он измучил меня вопросами: где будет проходить торжество, сколько будет гостей, сколько молодых парней, много ли я буду пить, что я надену и т.д.

– Давай я заеду за тобой в 11 вечера? Зачем тебе быть до конца? К этому времени ты устанешь.

– Спасибо, не надо. Это День бракосочетания лучшей подруги, и я буду до конца! – резко поясняла я.

Любовник окинул меня недовольным взглядом.

– Ты что, ревнуешь? – откровенно поинтересовалась я.

– Не придумывай. Я просто забочусь о тебе!

Его волнение было очевидным; во время банкета он позвонил раз десять. Поскольку я не отвечала, написал дюжину сообщений. Он напоминал безумца. Вся ситуация ужасно нервировала меня, хотя и была преподнесена в сатирической форме.

Формат сообщений был следующим: «Не берёшь трубку!!! Уже нашла себе другого и теперь бросишь своего старика!», «Я горько плачу! Вернись ко мне, моя любовь!», «Если устала, звони. Я готов тебя забрать даже с Марса!».

Это не отношения, это оковы, которые я добровольно позволила захлопнуть на своей шее. Они впивались в кожу и душили. И мне не нравилось то, что происходило, но какое это имеет значение, если я решила сдохнуть? Рядом с Марком я не становилась собой, не обретала вкус жизни. Ни рядом с ним, ни без него, ни с кем-то другим, я не захочу жить. Чем ближе я подбираюсь к дате 27 февраля, тем лучше понимаю, что желание жить – это не подарок, это не вещь, которую можно найти. Оно либо есть, либо его нет! Это свет, который выходит из груди, это фонарь, что ведёт своего хозяина в крошечной тьме. Когда его нет, человек бьётся о стены, о пол, спотыкается, калечится, он валяется на земле и чувствует, как по нему топчутся такие же незрячие.

Я привыкла к нашим встречам. К его звонкам, подаркам. В последнее время он начал давать мне деньги. Я клялась, что никогда не возьму их. Первый раз стал самым унижитель-

ным, я почувствовала себя шлюхой.

– Купи себе что-нибудь!

Вот сколько я стою – пятьдесят долларов. Деньги скомкала и швырнула Марку в лицо:

– Не смей ещё раз так сделать!

Я пыталась сдержаться, но глаза предательски увлажнились.

– Эй, ты чего? Я просто хотел тебя немного порадовать. Маша, ты так много работаешь. Я просто хотел, чтобы ты взяла лишний выходной отдохнула и не думала о деньгах.

Марк – мастер переговоров. Все логично и последовательно, и вот я чувствую себя паршиво, придумала глупостей. Изображаю честную леди, но при этом сплю с женатым мужчиной.

Проходит совсем немного времени, и брать деньги уже не зазорно. Товарно-денежные отношения, где я торгую своим телом. Что это? Легализованная проституция! Я постоянно слышала, что мужчина должен содержать свою женщину, и это касается не только жен, но и любовниц. Я не личность, я кусок мяса, обернутый тканью, торгующий своей вагиной... Это противно и низко! Хорошо, что я умру в скором времени.

«Продолжать эти отношения бессмысленно, я уже одной ногой в могиле. Порвать сегодня! Сейчас!», – я думала в ожидании его. Даже есть весомый повод – ревность. Бесконечными звонками и сообщениями он испортил мне настро-

ение. Я решила использовать это как контраргумент.

– Как торжество? Как отдохнула?

Едва переступив порог, он обрушил на меня водопад вопросов.

– Нормально.

– Я поднял тебе настроение? Как тебе мои сообщения?

Я скривилась.

– Вижу, не очень! Жаль, а я так старался. Прости, если отвлекал тебя от веселья или обидел.

Он прижал меня к себе. Всё шло не так.

– Знаешь, я хотела с тобой поговорить, – отстранившись, начала я.

– Я тоже хотел. У меня есть предложение.

– Начинай.

– Нет, ты первая.

Я глубоко вдохнула. Ладонки вспотели, а желудок предательски заурчал.

– Я подумала и решила...

– Я тоже подумал, – он перебил меня резко, взял за руку. Его глаза были беспокойны. – Прости, что перебил, – начал любовник. – Тебе надо съехать с этой квартиры. Как ты здесь живёшь?

Он серьезно осматривал моё жилище.

– Это не место для такой красивой девушки, как ты, – поглаживая меня по бёдрам, рассуждал он. – Позволь мне снять для тебя хорошее жильё. Вообще у меня идея сделать

ремонт в нашем гнёздышке. Как ты на это смотришь? Ты ведь достойна хорошего дома. Ты самая красивая и умная женщина, которую я встречал...

Я сглотнула сухой комок, вот и всё. Я онемела. Послать бы все к чертям. Уйти от него это означало бороться за себя, за свою жизнь! В мыслях я думаю об этом, но на деле я даже не пошевелю пальцем. Он нагло покупал моё время, а я молчала. Я согласна на стабильность – гнилую и тяжёлую. Я размышляла: Марк мог решить мои финансовые и бытовые заботы, а за это я буду платить своим телом. Пусть пользуется, всё равно через несколько месяцев его начнут жрать под землёй черви, так что пока оно тёплое и живое, может сослужить мне неплохую службу, буду его продавать, а потом залезу в петлю и всё. К 27 февраля я морально доведу себя до нужной кондиции, и всё пройдет гладко. Пути назад не будет. Исчезнут глупые вопросы: «Зачем мне жить?». Теперь же в голове бился иной вопрос: «Как себя убить?».

Время текло своим чередом. Я закрывала глаза на приступы ревности, они проявлялись всё чаще. Марк контролировал меня. Это было ненавязчиво, но, тем не менее, приятно-го мало... Чужая жизнь разворачивалась передо мной, и я была в ней не участница, а безмолвный зритель глупого, дешёвого сериала.

Еженедельно я получала что-то вроде зарплаты, которую добросовестно откладывала на свои похороны. Не хочу, чтобы мои родственники тратились. Мои желания просты: самый дешёвый гроб, одежда, которую оставляю с пометкой «на смерть», и обязательно кремация. И это самое главное! Я не могу допустить, чтобы жирные, белые черви и их личинки жрали мою плоть. Когда я думаю об этом, меня выворачивает наизнанку. Гнилостный, сладковатый запах преследует, я отчётливо чувствую его. Иногда по утрам, едва открыв глаза и сразу же погрузившись в тяжёлые мысли, я слышу, как он идёт изнутри, и мне кажется, что я разлагаюсь живьём. Мне было сложно понять – это жестокие игры моего разума или следствие больного желудка? Единственное, чего я не хочу, чтобы это продолжилось и после смерти.

Огонь – это очищение, это свобода! Он превратит моё тело в горсть невесомой, серой пыли. Потом чьи-то знакомые руки развеют её, и ветер разнесёт частички меня по белому

свету. Хорошо бы это сделать на окраине деревни, той самой, где прошло моё детство, где жили и живут мои предки. Там есть крутая гора, лесистая, убегающая вверх, над самым озером. Именно там, на опушке ельника, ветер подхватит меня и подымет высоко-высоко. Я буду летать вместе с птицами, кружиться в замысловатых потоках воздуха и медленно опускаться вниз. Я буду покоиться на глади мелких озёр, смешаюсь с водами лесного, чистого ручейка, упаду на влажный мох, на пыльные улицы, на крыши домов. Серый пепел будет среди фруктовых садов, жёлтых рапсовых полей и даже на старом кладбище. Развейте меня на закате, я так люблю это время. На исходе тёплого летнего вечера моя душа обретёт покой. И если невидимый певец затянет звонкую трель, это будет очень мило.

Я потрогала пухлый конверт: здесь больше денег, чем стоит кремация и гроб. Остальное они могут тратить на всё, что посчитают нужным: поминки, памятник. Хотя и первое и другое, я считаю вздором. Все эти застолья нужны, чтобы некоторые могли нажраться до поросычьего визга. Памятник – своеобразное мерило любви к усопшему. Пусть поставят его обязательно, люди у нас не привыкли к кремации и тем более развеивать прах. Живые требуют кусок гранита, с которым можно разговаривать. Все эти мероприятия после смерти совершаются не для усопшего; всё делается для живых, для утешения либо успокоения совести. Потому, что так принято. Это они будут есть, пить, а затем любоваться

красивой надгробной плитой.

К тому моменту мне будет всё равно.

Он выбрал меня. Что им двигало? И этот вопрос мне нужно было задать изначально, а не идти на поводу у своих эмоций и соглашаться на сладкий пряник. Марк – человек бизнеса, практичный и с аналитическим складом ума, он даже пальцем не пошевелит, если не видит выгоды.

Я была наивна в своих суждениях, полагая, что он делает всё ради секса. В наших отношениях бывали моменты, когда в моей голове появлялись мысли о любви. Вдруг это случилось на самом деле, и меня любят, любят не за что-то, а просто так. Любят такой, какая я есть. Мне хотелось в это верить. И, когда я была готова к чему-то большему, Марк сорвал с меня пелену надежды, в которую я пряталась и надеялась на его любовь.

Две недели любовника не будет, он уезжает отдыхать. Как он выразился: «Это обязательная семейная традиция». За это время в «гнёздышке» сделают ремонт и установят новую мебель. После чего, как послушная и примерная девочка, я должна буду поселиться там.

– Будешь скучать? – игриво интересовался Марк.

– Да.

– Смотри, чтобы не изменяла мне!

Я только улыбалась.

– Приедешь загорелым, красивым, – делилась я своими ожиданиями.

– И жутко голодным, не знаю, как переживу эти две недели без тебя...

– У тебя есть жена! – простодушно советовала я.

– Нет, не вариант!

– Почему? Она что, беременна? У вас будет пополнение?

– Если бы! Лидия не может родить.

– Печально!

– И вообще, уже два года, как мы не спим вместе. Она не хочет.

Я понимающе закивала.

– Если мы подняли эту тему, то пора поговорить.

Я напряглась. Марк был серьёзен. Думаю, именно с таким выражением лица он говорит со своими подчинёнными. Маска сосредоточения и невозмутимого спокойствия смотрела на меня.

– Когда у меня родился сын, я понял, что такое отцовство. Я решил для себя, что у меня будет много детей; к сожалению, всё сложилось иначе. Я мог развестись со своей супругой и создать новую семью, но это было бы неправильно и жестоко по отношению к ней. С раннего детства в меня вложили, что семья – это главная ценность, её нельзя разбивать, но и отказываться от своих целей я не намерен. Буду откровенен: я хочу, чтобы ты родила от меня ребенка. Из тебя выйдет толковая, заботливая мать. Все финансовые вопросы я возьму на себя.

Вот она, правда. Мою матку покупают. Его не волнует, хо-

чу ли я ребенка. Он решил, он выбрал меня, и я должна родить. Буря ненависти поднялась из глубины души. Он не считал меня за человека, он рассматривал меня просто как инкубатор, а потом няньку для его ребенка. Наивная идиотка! Вот кто я! А ведь так хотелось верить в заботу, уважение и искреннюю любовь.

– Я бы мог не говорить с тобой так откровенно. Всё произошло бы само собой, ты забеременела, и у нас появился общий малыш. Только это неправильно: для начала ты должна подготовиться, пройти медицинское обследование. Понимаешь? – он улыбнулся и добавил. – Вы, женщины, лучше в этом разбираетесь.

Я, как болванчик, согласно кивнула головой. Он самодовольно улыбнулся. Всё идет, как надо, как хочет он.

– Хорошая девочка, – он погладил меня по голове.

Я чувствовала себя послушным, ручным животным, которое хвалят за примерное поведение. Сейчас он мне даст сахарок.

– Мне бы хотелось, чтобы две недели моего отпуска не прошли для тебя впустую. Пройди необходимые обследования. Я завёл для тебя карточку. Здесь достаточно средств. Пользуйся, балуй себя!

Он положил её на мою раскрытую ладонь и нежно поцеловал в висок. Я прозревала: я вещь. Он распоряжается моей жизнью, как ему вздумается, а я ничего не могу сказать наперекор. Нельзя, чтобы он догадался о моём несогласии. Он

ещё тот манипулятор, за долю секунды придумает что-нибудь, и я снова почувствую себя идиоткой. За эти две недели я должна не проходить обследование, я должна избежать его. Моя цель в самоубийстве! Нельзя допустить стать удобной вещью в чужих руках. Одна мысль о беременности повергала в шок, это реальная угроза для моей цели. С появлением ребёнка во мне не проснется желание жить. Скорее наоборот. Я убью себя при любом раскладе. Возможная беременность может, и отсрочит мои планы, но не более. Мне не хочется тянуть время, и я не желаю оставлять потомство. Не хочу оставлять вообще после себя след в этом мире.

Я слишком люблю людей. Самоубийство принесёте много боли родным и близким. Мне неловко, что заставлю их страдать. Я знаю, что они будут винить себя, именно поэтому я решила вести дневник; они должны будут понять и принять, что это желание нельзя искоренить, никто не сможет мне помочь и поддержать. Всё только в моих руках, а я не желаю продолжать.

Теперь представьте, что мать новорожденного сводит счёты с жизнью. Как будет жить ребёнок? Он будет всегда чувствовать свою вину. Всегда! Он будет вынужден жить с этим. Я прошла через это и знаю, о чём пишу! Это эгоистично – обречь нового человека на душевные страдания! Я не имею никакого права. Поэтому никто не придёт в этот мир через меня.

Мне нужно было действовать быстро. Исчезнуть? Он так

просто не отпустит, и, что самое обидное, он найдет нужные доводы, и я послушно вернусь. Я – кусок мяса, которым можно распорядиться, и от этого я ненавижу себя. Я больше не контролирую свою жизнь, и она летит в бездонную яму.

Уволиться, залечь на дно или переехать в другой город? Покинуть работу мне удастся только через месяц, это слишком долго. Менять место жительства не имеет никакого смысла, если он знает, где я работаю. Голова пухла. Прекрасный вариант, если он превратится в классического Отелло, тогда не придётся накладывать на себя руки. И даже с точки зрения религии, я буду убиенной, загубленной душой, автоматом попадающей в Рай. Да, все мы попадаем в мир лучший, ведь ад здесь, на земле.

Решение нашлось само собой. В очереди я познакомилась с круглолицым, улыбочивым и в меру упитанным парнем. Я ухватилась за него. Марк вернётся, а у меня другой, и он наконец-то оставит меня в покое. Он гордый, и не захочет иметь ничего общего с девушкой, которая меняет мужчин, как перчатки. Сейчас он считает меня образцом добропорядочности. Посмотрим, как он отреагирует на мою измену?

Михаил оказался понятливым и компанейским парнем. Я была откровенна и поведала историю взаимоотношений с Марком.

– Не проблема, он точно отстанет, будь уверена. Чуток потусим, детка, оторвёмся по полной программе! – краснея, говорил Миша.

Мне нравилось, что мой новый знакомый не ищет длительных и серьезных отношений; они мне точно не нужны. Сейчас важно прикрытие, и этот малый его организует.

Телефон Марка я занесла в чёрный список. Игнорировала звонки и сообщения. У меня сложилось впечатление, что по прилёту он сразу же побежал ко мне. Едва сдерживая гнев, он начал разговор:

– Привет! Как это понимать? – он указал на телефон.

– Привет! Вот твоя карточка, я ничего не снимала.

Он недовольно спрятал её в карман.

– Маша, что происходит?

– Нам надо расстаться!

– Какого чёрта! – вертикальная линия появилась на лбу, а глаза налились кровью. Даю гарантию, если бы не люди на коридоре, он задушил бы меня голыми руками. Я видела его таким впервые. Он был в ярости.

К счастью, зашли покупатели. Он был вынужден отвлечься.

– Ещё поговорим. Я зайду вечером.

Сердце бешено колотилось. Мне было страшно.

Миша пришёл за час до закрытия. Околачиваясь по магазину, он то и дело спрашивал:

– Когда уже придёт твой Скрудж Макдак?

Марк залетел перед самым закрытием, и, не заметив Михаила, начал с порога требовать:

– Я жду объяснений!

– Эй, мужчина, – вмешался мой друг, – я не позволяю тебе повышать голос на мою девушку. Я знаю, что вы встречались, но она решила, что со мной ей будет лучше. Всё уяснил?

Марк недовольно завертел головой.

– Сколько вы вместе? – пристально глядя в глаза, спросил он Михаила.

– Мы встречались до того, как она познакомилась с тобой. Потом разбежались, а сейчас снова сошлись. Я знаю её два года, – на ходу сочинял мой спаситель.

– Не ожидал от тебя, конечно, – едко бросил Марк в мою сторону.

Когда любовник стремительно покинул магазин, Михаил обнял меня и, подмигивая, прошептал:

– Видишь детка, как всё просто, а ты боялась! Заметь, всё прошло культурно!

Несколько недель я провела со своим новым знакомым, нарочито попадаясь на глаза Марку. Он злился, но охладевал с каждым днём всё больше. В скором времени он исчез из моей жизни. Изредка заходила его жена, но он никогда. В сентябре мои отношения с Михаилом сошли на нет.

Ничего не трогает, ничего не удивляет. Словно всё уже было и повторялось сотни раз.

Может ли что-то вызвать любопытство?

Нет!

Могу ли я восхищаться?

Нет!

Я подобна ворчливой старухе. Она всё видела, она всё знает.

Это злобное шипение, исходящее от меня, набирает обороты. Я ненавижу людей, меня трясёт, ковши грязи потока-ми выливаются на знакомых и чужих. Всё это происходит в моей голове, ни слова, ни действия вовне, все внутри. Закипаю, как бездонный чан с чёрной, тягучей смолой. На смену гневу, приходит горькое чувство вины, и вот уже целый ковш помоев летит в моё лицо и выворачивается на голову.

«Я всё знаю, я всё видела!», – эти лживые чувства обесценивают жизнь. Зачем продолжать? Зачем?

Пребывая в таких мыслях, я подняла глаза к небу. Посеннему тёплое и бездонное, оно ласково смотрело на меня.

– Не говори, что здесь хорошо! – безмолвно бросила я вверх. – Подними меня к облакам своими тёплыми руками, а потом швырни вниз. Разбей страдающее тело, освободи мою душу!

Я судорожно шарила глазами, пока не наткнулась на кучку детей, скакавших по покатой крыше пятиэтажки. И после увиденного я мало о чём думала, я представляла свой свободный полёт. Высота маленькая, она не убьёт, но покалечит. Если бы внизу по периметру дома был асфальт, а не старательно вскопанные клумбы, можно было надеяться на положительный исход, а так сотрясение, пару переломов и чья-то загубленная хризантема.

Пятиэтажка манила. В закатных лучах я пробралась в чужой подъезд, прошмыгнула, как мышь, за тучной, обвешанной пакетами женщиной. Она пыхтела, волочила добычу и не обращала внимания на несмелые шаги за спиной. На третьем этаже мы разминулись. Благополучно добравшись до пятого, я заметила укромную лестницу, ведущую на чердак. Замки были сорваны. По вороху пустых бутылок, фантиков и упаковок стало понятно: ребятня облюбовала это место. Лимонад, чипсы, семечки, конфеты – набор младших школьников. Сейчас эти местные хулиганы уплетают дома ужин, а я гуляю по их штабу. Кстати, запахи еды причудливо собирались под крышей. Кто-то лакомится тушеной капустой, у кого-то ароматная жареная картошка и сладкие пироги.

Лучи солнца, освещавшие это убогое и тёмное место, указывали проход на крышу. Дощатая дверца купалась в закатном тепле. Я толкнула её, она оказалась не заперта.

Покатая крыша пыхтела от жара, он больно ударил в лицо. Запах рубероида был невыносим и тягуч. Я собрала волю и

шагнула вперёд. Устоять было сложно, по инерции сбегала к парапету. Высокие ржавые перегородки надёжно скрывали меня от посторонних.

Закат был чудесным. Багровые линии пересекали лазурное небо, лучи незаметно касались уставшей земли, скользили вверх к небесам, чтобы навсегда раствориться в бездонном омуте.

Ребёнком тёплыми вечерами я бежала на погреб, устраивалась и любовалась закатом, и так каждый вечер, изо дня в день, с весны до глубокой осени. Удивительно, но это не надоедало, это как смотреть один и тот же фильм, и постоянно находить что-то новое. Те вечера, те закаты и погреб, заросший травой, было ещё одним местом моей силы. Я заморожено смотрела на огненный шар, на его огненно-розовый ореол, и он говорил мне о силе, о той энергии, что есть во мне, о мечтах и желаниях.

– У твоей внучки нет судьбы! – сказала бабушкина подруга, внимательно глядя на карты.

Мои воспоминания стремительно оживали. Я снова затаила дыхание, как много лет назад, прижимаясь к щёлочке в двери. Мне хотелось не только слышать, но и видеть.

– О, Боже! – бабуля всплеснула руками. – Тяжело ей будет в жизни?

– Всё, что она захочет, придёт к ней...

А дальше они зашептались, и я ничего не могла разобрать. Тогда в детстве, любуясь закатами, я не мечтала о том,

чтобы себя убить, я не хотела заниматься выживанием, я не хотела существовать, я не думала о том, что сейчас имею. Я хотела жить!

Жара спала, и на крыше стало комфортно. Я улеглась, взирая в небеса; они меня заберут, очень скоро. Перегнувшись через парапет, оценила расстояние – маленькое. Да и приземление ожидается на мягкие, пышные кусты амаранта. Зимой положение не лучше, сугробы не дадут разбиться насмерть. Это отличное место, но для самоубийства не годится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.